

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 6

ЭХО ВОЕННЫХ ДНЕЙ

*Воспоминания жителей Финляндского округа
о войне и блокаде Ленинграда*

Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга муниципальный округ Финляндский округ

В книге «Никто не забыт, ничто не забыто» записаны воспоминания участников Великой Отечественной войны, блокадников, тружеников тыла, бывших узников фашистских концлагерей, детей войны, проживающих на территории нашего округа, с использованием материалов из государственных и личных архивов.

В книге отражены судьбы людей, живущих с нами по соседству, тех, кого мы можем с вами видеть каждый день. Не все мы знаем, что им пришлось пережить во время великого испытания для нашей Родины — в годы Великой Отечественной войны. Особенно это важно знать и помнить молодому поколению.

Это издание поможет лучше узнать о людях, порой незаметных и скромных, спасших нашу страну от гибели. К сожалению, с каждым годом их становится все меньше. А ведь только они способны рассказать нам всю правду о войне. Надеемся, это издание поможет нам сохранить их воспоминания и память о героях той поры.

© Муниципальное образование Финляндский округ, 2015

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В ожидании Победы в Великой Отечественной войне поэтесса Ольга Берггольд весну 1945 года в стихотворении «Накануне» назвала Весной Земли, когда после зимних холодов, долгих темных ночей и серых дней природа начинает пробуждаться. Этот эпитет как никакое другое определенное подходит для характеристики послевоенного периода, когда восстанавливались не только города, фабрики, заводы и школы, но и судьбы людей, перенесших тяжелые лишения и невзгоды; людей, которым пришлось заново учиться жить под мирным небом, но уже без любимых, близких и родных. Это Людмила Павловна Воеводская, Алла Алексеевна Ложкина, Ольга Ивановна Немцева, супруги Арефьевы и другие жители нашего округа, чьи воспоминания вошли в шестой том Книги памяти «Никто не забыт, ничто не забыто».

Шестая часть книги вышла в свет в знаменательное время — накануне празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне и не случайно называется «Эхо военных дней». Все дальше уходят в прошлое события военных лет, вместе с ними уходят ветераны, участники и свидетели той страшной эпохи, унося с собой память. Воспоминания о войне тех, кто живет рядом с нами, эхом отзываются в наши дни, а его отголоски будут отражаться в будущем. Поколение сменяет поколение. Только память о тех, кто уже не придёт, останется в нас и будет передаваться от сердца к сердцу.

Хочу выразить искреннюю благодарность всем, кто принял участие в написании шестого тома Книги памяти.

Низкий поклон всем, кто спас нашу Родину от фашистов, кто выстоял в самой жестокой войне, кто отстоял Ленинград, кто отдал свои жизни во имя мирного будущего!

*Глава муниципального образования
Финляндский округ
Всеволод Беликов*

**МУНИЦИПАЛЬНЫЙ СОВЕТ И МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ФИНЛЯНДСКИЙ ОКРУГ
ВЫРАЖАЮТ ИСКРЕННЮЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА ПОМОЩЬ В ИЗДАНИИ
ШЕСТОЙ ЧАСТИ КНИГИ ПАМЯТИ «ЭХО ВОЕННЫХ ДНЕЙ»**

Местному отделению городской общественной организации
«Дети войны, погибших и пропавших без вести родителей»
председателю *Комлевой Розе Александровне*

Общественной организации Калининского района
«Бывшие малолетние узники фашистских концлагерей»
председателю *Яковлевой Нине Алексеевне*,
куратору по Финляндскому округу *Ивановой Тамаре Александровне*

Общественной организации муниципального образования
Финляндский округ «Совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда,
Вооруженных сил и правоохранительных органов»
председателю *Солину Анатолию Анатольевичу*

Общественной организации муниципального образования
Финляндский округ «Жители блокадного Ленинграда»
председателю *Куликовой Галине Филипповне*

Студентам Санкт-Петербургского
политехнического университета Петра Великого
Александровой Екатерине,
Малой Анне,
Грезину Андрею,
Афанасьеву Антону

ПОКОЛЕНИЕ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Совпадение юбилейного года Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и проведения в России Года литературы дает возможность обратиться к неисчерпаемой теме участия советских писателей в борьбе народов Советского Союза за независимость своей страны против агрессивного нападения фашистской Германии на СССР.

В этом году исполняется сто лет со дня рождения писателей-фронтовиков Сергея Сергеевича Смирнова и Константина Михайловича Симонова.

В газетах послевоенных лет печатался очерк Смирнова о безвестном трубаче: «На рассвете 22 июня 1941 года, когда первые залпы войны загремели над спящей Брестской крепостью, под развалинами казармы 44-го стрелкового полка был заживо погребен один из бойцов полкового музыкального взвода. Его не задавило, но замурованный в каменной могиле, он был обречен — под бешеным огнем врага разбирать развалины было невозможно. И, наверное, сам он, юноша-музыкант, понял свою судьбу. И тогда его товарищи, солдаты, укрывшиеся около развалин, услышали, как оттуда, из-под камней, зазвучала полковая труба. Сквозь грохот взрывов приглушенно, но отчетливо доносилась до них знакомая мелодия: “Это есть наш последний и решительный бой...”»

К пониманию эпического значения обычных событий войны приходишь не сразу. Понимаешь, что событие реальной жизни сильнее придуманных сюжетов, что добыть трагическую, историческую правду в судьбе конкретного человека бывает труднее, чем сконструировать замысловатую фабулу. Писателю надо было не просто найти своих героев, надо было заново вместе с ними прожить их судьбу, при-

коснуться рукой, щекой, грудью к священным камням крепости, её бастионам, вдохнуть воздух подземелий, услышать свист пуль и всё до тонкости документально восстановить.

Еще со времен его работы военным корреспондентом в годы Великой Отечественной войны в армейской газете «Мужество» военная тема навсегда осталась в творчестве Смирнова ведущей, священной. В армейской газете рождалась его творческая школа собирания деталей характера будущего героя репортажа или очерка, школа изображения пути рождения подвига. По его инициативе издавались книги «Библиотека солдата и матроса», «Библиотека военных приключений». Он терпеливо боролся за честь каждого воина, чье имя было незаслуженно забыто либо воспринято не должным образом. «За людей надо бороться», — не раз твердо повторял он и всё делал для восстановления доброго имени солдата. Он собрал и передал в Брестский архив семьдесят папок писем, более семидесяти толстых тетрадей воспоминаний участников боев под Брестом. Записал двести пятьдесят магнитофонных лент бесед с защитниками Лиепай (Либавы).

Наверное, легче писать историю полков, дивизий, армий. Сергей Смирнов писал судьбу отдельного человека, отдельного воинского коллектива. Писал так, словно это была судьба народа, нации, страны. И его повествование сложилось в необычный жанр: в документальную повесть, эпическое полотно, подвижные очерки, научное исследование — и в то, и другое, и третье, чему название — правдивая память о войне, долге, судьбе. Он всегда стремился пробиться к правде факта, обрести его, изложить в строке.

Да, литератор-документалист Сергей Сергеевич Смирнов был и остается народным писателем. Об этом свидетельствовали миллионы писем читателей, десятки спасенных писателем судеб. Он писал строго фактично, сдержанно, обобщенно. За какую бы работу он ни брался: редакторскую, общественную, кинематографическую — он целиком отдавался ей, вносил в нее что-то новое, неизвестное, новаторское.

Он помнил совет маршала Георгия Константиновича Жукова, всегда следовал ему: «Не считайте врага глупее себя, считайте его хитрее, тогда его можно победить».

Он открыл ранее неизвестное имя рядового Советской Армии Фёдора Андриановича Полетаева, сражавшегося в составе отряда итальянских партизан против фашистов. Он написал об этом рассказ «Загадка далекой могилы». В этом ему помогли читатели, радиослушатели, телезрители. «Именно они, все вместе, — писал он, — с моей помощью разгадали эту загадку, и только благодаря им пришла в рязанскую деревню Катино весть о славном подвиге сельского кузнеца и солдата Отечественной войны, простого и доброго богатыря русской земли, героически павшего на земле солнечной Италии в борьбе против фашизма за свободу и счастье людей на земле».

Однажды на одном из литературных вечеров поэт-фронтовик Михаил Дудин рассказал такой эпизод. Он вместе с Сергеем Смирновым в составе советской делегации был в чилийском городе Вальпараисо. Проходя по улицам города, Дудин заметил вывеску ресторана «Берлин». Решили зайти. Они знали, что после Второй мировой войны сотням нацистских преступников удалось сбежать в Латинскую Америку, в том числе в Чили. И то, что они увидели, невольно их поразило: за деревянными столами сидели настоящие фашисты в серых мундирах со свастиками на рукавах, они стучали пивными кружками и пели: «Дойчланд, Дойчланд, юбер аллес...»

Невольно подумалось в тот момент, что не все еще сделано для Победы, что она достается в каждодневной борьбе, в сохранении бдительности, сплоченности. И Сергей Сергеевич Смирнов, как солдат Отечественной войны, настойчиво продолжал поиск неизвестных героев в стране и за рубежом. «В памяти сердца всегда остается правда», — сказал он как-то своему фронтовому товарищу — писателю и поэту.

Раскрывая свои литературные приемы работы над документальной повестью «Брестская крепость» Сергей Смирнов писал: «Я, может быть, ригористически отношусь к документальной основе художественного произведения. Я стремлюсь к тому, чтобы ни один факт, приведенный в документальной книге, написанной мною, не мог быть оспорен очевидцем и участником. Художественная работа, на мой взгляд, здесь заключается в осмыслении, в освещении этих фак-

тов. И здесь писатель-документалист должен подняться над мелочной фактографией, дабы действительные факты, приведенные им, были осмыслены и освещены так, чтобы даже участники и очевидцы этих событий вдруг увидели себя самих в правильном свете и в том осмыслении, какого, быть может, они сами не предполагали... В моей книге “Брестская крепость” я, как известно, сохранил действительные имена героев. Я строго придерживался фактов даже в деталях, и ни один из фактов, изложенных в книге, вероятно, не может быть оспорен защитниками крепости, но ни один из них в своих рассказах не показал мне оборону крепости такой, какой она выглядит в моей книге. И это совершенно естественно. Каждый видел только кусочек этой картины, да еще видел его субъективно, сквозь призму своих переживаний, сквозь наслоения своей последующей судьбы со всеми сложностями и неожиданностями. Мое дело как исследователя, как писателя было собрать все разрозненные кусочки мозаики, расставить их правильно, так, чтобы они дали широкую картину борьбы, снять субъективные наслоения, верным светом осветить эту мозаику, чтобы она проявилась как широкое панно удивительного народного подвига».

В его незавершенных творческих задумках было много любопытного, начатые рукописи книг: о маршале Советского Союза К.Г. Жукове, об океанском плавании на черноморском лайнере, об Узбекистане, о своей жизни...

На вечере памяти Сергея Сергеевича Смирнова писатель-фронтовик, его земляк, Константин Михайлович Симонов сказал: «Ни один человек, ни один писатель после войны не сделал столько истинно доброго и жизненно необходимого для солдат, прошедших через огонь войны, сколько сделал Сергей Сергеевич Смирнов».

Начатые Смирновым поиски героев Великой Отечественной продолжаются. Сотни военно-полевых отрядов работают по поиску без вести пропавших защитников Родины. «Лишь немногие факты сейчас известны нам, — писал С.С. Смирнов. — Мы не знаем имен тысяч героев пограничного сражения, бесчисленных боев на промежуточных рубежах, яростных схваток в окружениях, не знаем потому, что имена эти были смыты валом фашистского нашествия и люди погибали

в безвестности вражеского тыла или попали в гитлеровские концлагеря».

Много и неоднозначно написано о Константине Михайловиче Симонове, поэте, прозаике, публицисте, драматурге, общественном деятеле. Различные веяния времени заставляли авторов публикаций давать не всегда объективные оценки его жизни и творчества. Однако никакое положение вещей в политической или литературной сферах не могло и не может изменить основные движущие силы, владевшие талантливым публицистом и литератором в предвоенные, военные, послевоенные годы. Это — гражданский и воинский долг, любовь к женщине и неугасимая потребность выразить всё это в проникновенном слове.

...Текст стихотворения К. Симонова «Убей врага» был расклеен на стенах домов блокадного Ленинграда. Его пьесу «Русские люди» печатала в дни войны газета «Правда». Его фронтовые корреспонденции и стихи публиковали центральные, армейские, дивизионные, партизанские газеты.

Военный корреспондент К. Симонов «много перевидал, еще больше перечувствовал». После окончания курсов военных корреспондентов при Военно-политической академии в июне 1941-го, он работал в редакции газеты Западного фронта «Красноармейская правда», затем — в «Красной звезде». Он писал корреспонденции с Западного, Закавказского, Северокавказского, Южного, Украинских, Ленинградского фронтов.

Летом 1944 года он поехал на Карельский перешеек, на фронт. «Я ехал в Ленинград на “виллисе” сутки, с ночевкой в Новгороде, — писал он в своем военном дневнике, — и более печальную дорогу, чем эта, наверно, трудно было себе представить даже тогда во время войны... Всего в двадцати с чем-то километрах от памятника Пушкину — почему-то в голову приходила именно эта точка отсчета — мы проехали то самое близкое к Москве место на Ленинградском шоссе, до которого в декабре сорок первого года дорвались два немецких танка. И у самых окраин Ленинграда по обеим сторонам прыгавшего по выбоинам “виллиса” тянулась земля, на которой, долго ли, коротко ли, были немцы. И хотя схожее чувство угнетенности от вида

разоренной земли бывало знакомо мне и раньше, но здесь оно было каким-то особенно невыносимым. И Ленинград, в который мы, наконец, приехали, тоже не оборвал этого накопившегося в душе за дорогу чувства».

Он шел по знакомому с детства городу и не узнавал его. «Я не был в Ленинграде с весны сорок первого года, — писал он. — И этот город, где я родился, где до войны жила вся моя родня, где я когда-то писал свои первые стихи, очень точно отпечатался в моей памяти именно как город той последней предвоенной весны, казавшейся теперь издали, через три года, чем-то неправдоподобным».

Из Ленинграда он выдвинулся на Карельский перешеек, под Выборг. И пробыл там все одиннадцать суток боев, от прорыва линии Маннергейма до освобождения Выборга. Перелистывая фронтовые блокноты, он делает выписки, приводит слова генерала Лященко, который воевал в свое время под Гатчиной, про финнов говорит, что «войки они, как были, так и есть храбрые. Но в этих боях выяснилось, что они исключительно чувствительны к обходам. Как проткнул, вышел им в тыл — теряются!».

Здесь, под Выборгом, Симонов встречался со Всеволодом Вишневским, фотокорреспондентом «Правды», Я. Рюмкиным, другими фронтовыми журналистами. О коротком разговоре с В. Вишневским К. Симонов вспоминал: «Проговорили мы всего две или три минуты. Выемку, через которую саперы делали улучшенный объезд, накрыли артиллерийским огнем финны. Налет был короткий, всего несколько снарядов, но какой-то очень уж неожиданный и поэтому убойный. Когда перележав его, я поднялся на ноги, в выемке лежали убитые и раненые. Прямым попаданием разнесло в щепы грузовик с саперным имуществом, стоявший в самой выемке... Через час или полтора после этого я был уже на улицах взятого Выборга. Он горел...».

На фронте публикации К. Симонова читали с особым вниманием, читали солдаты и командиры. «Когда на передовую, бывает, доставлен очередной номер центральной газеты, бойцы всегда ищут в нем очерк Симонова, — писал искусствовед Б.Л. Бредянский, — они знают по опыту, что поэт пишет о самом главном, что само его местопребывание —

подобно красной стрелке — указывает на один из наиболее напряженных участков борьбы. Корреспонденцию Симонова бережно сохраняют и политработники как ценнейший материал для бесед с красноармейцами.

В скупые минуты фронтового досуга население блиндажей и землянок нередко собирается в походный клуб на спектакль, который играет прибывшая бригада актеров. Чаще всего, в том случае, на подмостках покажут симоновских «Русских людей».

В письме жене, невесте, далекому другу фронтовик непременно вложит вырезанное из журнала или переписанное от руки стихотворение «Жди меня».

Военный корреспондент, очеркист, драматург и поэт Симонов неотступно сопровождает солдата Отечественной войны плечо к плечу. И если Симонов, например, не был на ленинградском участке, все равно — каждый защитник Ленинграда ощущал здесь дружеское присутствие поэта.

Стихотворение, посвященное памяти наводчика Сергея Полякова, поэт назвал «Презрение к смерти». Основной мотив военных творений Симонова отражен в его словах: «Неосознанная смерть — это смерть. Осознанная смерть — это бессмертие».

*Надолго был задержан враг:
Пять танков — пять костров.
Учись, товарищ, делать так,
Как делал Поляков!*

Поколение воинов Отечественной войны, воспетое Симоновым, обрисовано необычайно скупыми средствами, поколение, скрестившее шпаги с фашизмом под Гвадалахарой, Севастополем, Сталинградом и Ленинградом.

Он проникновенно отразил смысл военной поры:

*...Слышишь, как порохом
пахнуть стали...
Передовые статьи и стихи...*

От современных английских и американских корреспондентов военного репортажа — Роберта Клейси, Блейка или их «короля» Квентин Рейнолдса Симонова-очеркиста отличает исходная позиция в выборе материала.

Зарубежные репортеры находятся в позе наблюдателей, в позе искателя «жгущих руки» сенсаций. Симонов идет к смыслу репортажа изнутри, от душевного мира солдата, из психологии рядового участника войны»¹.

«Почти весь материал — для книг, написанных во время войны, и для большинства послевоенных — мне дала работа корреспондентом на фронте», — признавался он позднее. Симонов был храбрым военным корреспондентом, ответственным по отношению к себе и другим. Его стихотворения из сборника «С тобой и без тебя» проникнуты болью, тоской, мужским терпением.

В литературе о войне важнейшим жанром была и остается документальная проза, воспоминания ветеранов. «Представим себе на минуту, — писал Константин Симонов, — что через 20 или 30 или через 100 лет на уроке истории, посвященном Великой Отечественной войне, со школьного киноэкрана или с экрана школьного телевизора уже не учитель, а маршал Жуков в течение сорока минут расскажет школьникам о битве под Москвой или битве под Сталинградом. Ведь этому цены не будет...»

Литературовед и литературный критик В.Я. Кирпотин летом 1942 года писал в одном из писем: «Написал в журнал о Симонове. А в это время была напечатана его пьеса, рекомендованная газетой “Правда”», то есть партией. Пьеса его в самом деле самое значительное, что он написал. Когда я писал статью, я пьесы не знал. В моей статье есть строгие вещи. В таком виде — это вышло бы как полемика с “Правдой”, чего я не имел в виду. Пришлось снять статью. Буду дописывать раздел о пьесе... Симонов работает много, неутомимо. Одно время начали говорить о трех “С” как о негласных хозяевах Союза. Но Сурков и Ставский, которые рвались к власти, были поставлены на место...»².

В 1948 году в состав литературной делегации для поездки в Ереван были включены К. Симонов и В.Я. Кирпотин. 3 сентября 1948 года Симонов писал Кирпотину: «Дорогой Валерий Яковлевич! Ввиду того, что я уезжаю на семь часов раньше, чем предполагал, выясняется, что я не сумею выправить стено-

¹ РО РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 182. Л. 2-12.

² Кирпотин В.Я. Ровесник железного века. М., 2006. С. 506.

грамму Тихонова и пересылаю ее Вам. Прошу это сделать Вас. Ваш К. Симонов»³.

Симонов встречался, переписывался со многими ленинградскими писателями, деятелями культуры. В декабре 1970 года он писал прозаику А.Г. Лебедеву: «Дорогой Александр Гервасьевич, простите меня, бога ради, что я будучи в Питере, не сумел позвонить Вам. Сложилось так, что меня абсолютно замотали, и я освобожден для того, чтобы позвонить Вам, так поздно, что уже не решился это сделать.

Моя жизнь там сложилась неудачно, что переключиваю из этой поездки в другую — через несколько дней лечу во Вьетнам и ничего толком буквально не успеваю сделать в Москве...

Желаю Вам всего хорошего и одновременно с этим письмом, в знак моего глубокого уважения к Вам, посылаю Вам свою недавно вышедшую книгу.

Желаю вам здоровья...

Глубоко уважающий Вас

Ваш Константин Симонов».

С большим уважением он всегда относился как к маститым, так и к начинающим литераторам. Отвечая на вопрос о писательской славе и популярности, он сказал: «...человек, сознавая, что его широко читают, должен больше многих других людей думать о том, как вести себя, должен с большей чуткостью относиться к возможности обидеть, задеть другого человека, должен привыкать к постоянному самоконтролю»⁴.

25 апреля 1973 года он писал прозаику А.Г. Лебедеву: «Милый Александр Гервасьевич! Простите меня великодушно за то, что только сейчас с глубочайшим уважением к Вам поздравляю Вас с Вашим 80-летием, со всем сделанным Вами за Вашу долгую, мужественно прожитую жизнь.

Я болел, мучился бессонницей, отправили меня лечиться от переутомления, только вчера вечером вернулся из санатория

³ Кирпотин В.Я. Ровесник железного века. М., 2006. С. 561.

⁴ Лазарев Л. Как будто есть последние дела... // Константин Симонов в воспоминаниях современников. М., 1984. С. 290.

и застал Ваше письмо, которое прочел, стыдя себя за то, что не написал Вам ранее.

Не сердитесь на меня. Мне, правда, было туго.

Любящий Вас

Ваш Константин Симонов»⁵.

В ноябре 1947 года в письме к Константину Симонову народный артист СССР В.Р. Гардин писал: «...Я прочел в газете “Культура и жизнь” Ваши “Заметки писателя” и несколько строк из них заставили сильно забиться сердце: “есть одно чувство, которое в своем присутствии или отсутствии безусловно делает человека или счастливым или несчастным в самом главном в его жизни — в необходимости для других или ненужности”».

...После проведенных в Ленинградской блокаде лет (вместе с женою я в те году обслуживал концертной работой воинские части Ленинградского фронта), мною был сыгран небольшой эпизод в фильме “Морской батальон” (посылаю Вам фото моего образа безымянного интеллигента, несмотря на голодное истощение продолжающего работать в МПВО) и, в 1946 году маленькая и по метражу и по значению роль профессора пения в картине “Солистка балета”.

Вот и все! За семь лет два эпизода, которые заняли у меня не более семи дней работы из прошедших за это время 2555!

И.Г. Большаков⁶ относится ко мне с исключительно добрым вниманием. Благодаря его указаниям Госкиноиздат заключил со мною договор на два тома воспоминаний о моей работе в кино (я поставил 80 картин, написал 50 сценариев, снялся в 48 ролях).

Все это прошлое.

А теперь, несмотря на наш непрерывный труд (я пишу с женою три тома мемуаров), мы ни одной из своих работ не видели изданной, дошедшей до читателя.

Вот почему меня так взволновали Ваши слова и заставили обратиться к автору с просьбой помочь мне спеть свою актерскую “лебединую” песню в дни моего пятидесятилетнего юбилея.

Говоря яснее — я прошу Вас дать хотя бы либретто-тематическую заявку на сценарий, в котором для меня была

⁵ РО РНБ. Ф. 1077. Оп 2. Д. 174. Л. 2-4.

⁶ Большаков И.Г. – министр кинематографии СССР.

бы серьезная по значению и соответствующая моим данным роль. Принятая от вас сценарной студией Министерства кинематографии (нач. тов. Ермин) она может вернуться к Вам уже доработанная в сценарий по вашим указаниям.

Я обращаюсь к вам как тот читатель, о котором Вы так просто и хорошо пишете в своих заметках.

С сердечным приветом, В. Гардин».

В декабре 1947 года К. Симонов прислал Гардину ответное письмо: «Глубокоуважаемый товарищ Гардин! Я получил Ваше письмо, очень благодарен Вам за доверие ко мне, взволнован им и, признаюсь вам — в то же время несколько растерян. Что касается меня лично, то я последние два года ничего не делаю для кино и в ближайшее время это не входит в мои планы, ибо сейчас я пишу новую пьесу, а потом мне предстоит работать над окончанием большого тома стихов, над которым я вожусь уже пять лет. Дальнейшие же планы отодвигаются на полтора-два года и трудно сказать, как они сложатся.

Но тот серьезный и справедливый вопрос, который поставлен в Вашем письме, как мне думается, касается не только меня. Одновременно с этим письмом Вам я посылаю письмо И.Г. Большакову, в котором излагаю содержание Вашего письма ко мне. Буду рад, если смогу этим хоть немножко подтолкнуть этот вопрос.

Крепко жму Вашу руку.

Глубоко уважающий Вас Константин Симонов»⁷.

Да, он был осторожным. Может быть, порой чересчур осторожным. Он поддерживал позицию здоровой борьбы с антипатриотами, безумным преклонением перед заграничной культурой. У него «был свой советский щепетильный кодекс писательской, офицерской и ... дворянской чести, причудливо соединившейся с унаследованным — от матери, отчима, княжон-теток. Кодекс служения...» государству, народу. В его семье не терпели низость, обман, предательство. И это было его уставом жизни и творчества. С этих позиций он подходил и к другим людям. За его словом всегда следовало дело. Так было у него в литературе, в жизни, в любви.

⁷ РО РНБ. Ф. 173. Оп. 2. Д. 247. Л. 3-5.

В третьем номере журнала «Знамя» за 1988 год появилось его последнее произведение, продиктованное им незадолго до кончины. В нём отражено все то, что увидено, передумано, осознанно «человеком моего поколения». Отражено искренне, беспощадно к самому себе и другим.

Вся его творческая жизнь проходила в условиях войны. Это его внутреннее состояние он объяснял тем, что и после 1945 года он остается «военным писателем». Война «холодная», «идеологическая», «информационная» были для него постоянным напряженным состоянием, если хотите, богатством его разума и души. Он неизменно ощущал себя на передовой линии борьбы правды с ложью, долга с предательством, добра со злом.

Среди разнообразных символов Родины Симонов устами героини своей пьесы «Русские люди» назвал три березки, знакомые с раннего детства:

*...Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину — такую,
Какой ее ты в детстве увидал.
Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.
Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.
Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.*

Симонов многое сделал для сохранения литературного наследия талантливых отечественных писателей А. Твардовского, М. Булгакова и других. В 1978 году Союз писателей назначил К. Симонова председателем комиссии по подготовке к 100-летию со дня рождения поэта Алексан-

дра Блока. Симонов написал письмо руководителю правления Ленинградской писательской организации А.Н. Чепурову: «Дорогой Анатолий Николаевич! Как вы, очевидно, извещены, Союз писателей СССР создал свою подготовительную комиссию по проведению столетия со дня рождения А. Блока.

Очень прошу Вас непременно прибыть на первое заседание этой комиссии, которое состоится в понедельник 28 марта с.г. в 16 часов в кабинете председателя правления Центрального дома литераторов. Ул. Герцена, 53.

Заседание будет без повестки, мы обсудим на нем программу своей работы.

Ваш К. Симонов, председатель подготовительной комиссии СП СССР по проведению столетия со дня рождения А. Блока»⁸.

Профессор Ленинградского государственного университета, литературовед Д.Е. Максимов писал К. Симонову: «Глубокоуважаемый Константин Михайлович! Обращаюсь к Вам как человеку, которому дорого имя Блока, как исследователь его творчества, отдавший изучению его поэзии большую половину своей жизни, и как бессменный руководитель блоковского семинара в Ленинградском университете (я вел этот семинар больше 20 лет).

Я хочу поделиться с Вами своими опасениями, касающимися подготовки столетней годовщины рождения Блока в Ленинграде, так как — вопроса об организации Блоковского музея (мемориальной квартиры). С тех пор как вы побывали в Ленинграде по блоковским делам и была приобретена для будущего музея коллекция Н.П. Ильина, этот вопрос остается в прежнем нерешенном и застойном состоянии. Руководители ленинградского отдела культуры при Ленгорсовете понимают важность организации музея и готовы к действиям, но действие не приходит. Они сообщают, что окончательное решение задерживается в Обкоме, который стихийно откладывает решение — не возражает против музея, но и не благословляет его. Обращаться в высшие обкомовские сферы они не решаются: мешает, по-видимому, иерархический инстинкт. На В.Н. Орлова сейчас нельзя надеяться: он — в больнице, опасно болен. Я сам никого не представ-

⁸ РО РНБ. Ф. 1387. Оп 1. Д. 896 л. 1.

ляю, в “инстанциях” меня не знают, да и не по возрасту мне добиваться приема в высших сферах, не подобает. А между тем организация блоковского музея как филиала богатого и мощного Музея города, не вызвала бы необходимости обращаться в ЦК и вообще не требовала бы больших усилий. И вот по просьбе и совету ряда ленинградских “блоковедов” (выражение не слишком изящное) и культработников я позволяю себе обратиться к Вам как русскому поэту и председателю Блоковской комиссии с просьбой помочь сдвинуть дело организации музея с мертвой точки. Очевидно, для этого нужно повидаться с первым секретарем ленинградского Обкома Григорием Васильевичем Романовым или, по крайней мере, написать ему письмо. В конечном счете все зависит именно от него. Нужно помнить, что к организации музея следует приступить именно теперь, если стремиться приурочить открытие его к годовщине. Другого случая открыть Блоковский музей скоро не представится.

Простите, что беспокою вас: делаю это “не во имя свое”, а во имя Блока и тех, кому дорога его поэзия.

С глубоким уважением, сердечно Д.С. Максимов»⁹.

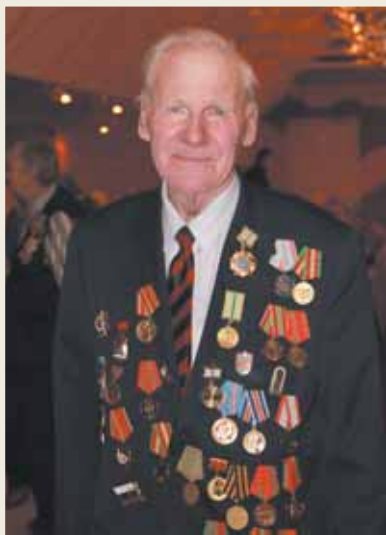
Эту проблему удалось решить с помощью как самого К. Симона, так и благодаря активной позиции ленинградской общественности. В ноябре 1980 года музей Блока был открыт. Однако Симон не дожил до этого дня.

Книги писателей-фронтовиков дают возможность глубже понять многое: умение в обычном факте, явлении увидеть эпическое; на основе частного разглядеть целое; и, пожалуй, главное: понять — память ветеранов — это государственный ресурс, который с годами продолжает жить в чувствах и разуме новых поколений, а значит: память ветеранов — это мост, связующий поколения, помогающий восстановить справедливость, вознаградить мужество людей, отдавших жизнь во имя Родины.

Память ветеранов, встроенная в просветительский, образовательный, воспитательный вектор развития общества и сегодня продолжает быть мощным государственным ресурсом.

Альберт Измайлов

⁹ РО РНБ. Ф. 1136. Оп 2. Д. 351 л. 1-2.

Василий Петрович АКИМОВ

22 июня 1941 года я запомнил на всю жизнь. Мне было 16 лет. В то воскресное утро я, учащийся ремесленного училища, вместе с такими же пареньками был на стадионе. Шел урок военной подготовки. Когда пришло время обедать, мы направились к Дому культуры. И там из прикрепленного к стене радиоприемника услышали слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Поначалу страха не было. В ДК, где был организован призывной пункт, играл гармонист, звучали веселые песни. И каждый уходящий на фронт верил: мы сильные и быстро разобьем врага. Страх появился позже, после ожесточенного обстрела, когда фашистские самолеты атаковали мост возле Окуловки, и нас, молодых ремесленников, послали зарывать воронки.

В октябре 1941-го враг занял Малую Вишеру. Часть личного состава училища эвакуировали на Урал, остальных, и меня в их числе, направили на работы на Октябрьской железной дороге. По ночам мы копали траншеи, разбирали рельсы и прятали их в землю с таким расчетом, чтобы в случае оккупации противник не знал, где они зарыты. Эта уловка очень помогла нам позже. Когда наши войска освободили

Малую Вишеру, встал вопрос о восстановлении пути. И решить его удалось очень быстро. В короткий срок разобранный путь был уложен, и поезда пошли вновь.

Работы на магистрали было так много, что существовал негласный приказ — железнодорожников на войну не брать. И начальник отдела кадров шестой Окуловской дистанции пути по фамилии Ленин не уставал нам напоминать: «Получите повестки, в военкомат не ходите. Здесь ваш фронт!». В 1942-м мне исполнилось 17 лет. Две повестки я «пропустил», но больше не выдержал и, получив очередную, я с двумя своими товарищами отправился на Ленинградский фронт в составе 389-го стрелкового полка. Благодаря бабушке, которая отдала мне свой теплый тулуп, из которого я сделал безрукавку, пока не выдали военную форму, я оказался экипирован лучше всех.

В конце марта 1943-го первый батальон, в составе которого я находился, отправили в Кобону. А оттуда по свайно-ледовой переправе — в осажденный Ленинград. Обрушившиеся стены домов, разбитые окна, почти полное отсутствие гражданского населения. Лишь люди в красноармейской форме изредка проходили строем — таким я увидел город. Мы дислоцировались у Пулковских высот. Помню, как наш автомобиль двигался по Международному, ныне Московскому проспекту. В районе Средней Рогатки немецкий снаряд ударил под передний скат. Я очнулся на асфальте, где лежали еще трое моих товарищей. Вскоре подошла санитарная машина, и нас отвезли в госпиталь № 1173, который в то время размещался в здании Текстильного института. Там я познакомился со своим будущим командиром Павлом Гагариным, который пришел набирать ребят в свою батарею, и после лечения был зачислен в 5-ю отдельную железнодорожную зенитно-артиллерийскую батарею бронепоезда № 5 — одного из шести, построенных по решению правительства Ленинграда еще в начале войны.

Надо сказать, что бронепоезда сыграли важную роль в артиллерийской поддержке войск, особенно в начальный период войны, когда у немцев был серьезный перевес в танках.

На БП № 5 имелось четыре 76-мм пушки, счетверенный зенитный пулемет и пулемет ДШК. В команду вхо-

дили артиллеристы, разведчики, дальномерщики, прибористы, локомотивная бригада паровоза, обслуга — всего более ста человек. Я поначалу вошел в расчет орудия № 3.

Однажды меня вызвал к себе командир и сказал: «Ты, вот, учился в ремесленном училище, грамотный. А народ у нас в основном с 2—4 классами образования. Тебе и карты в руки — осваивай профессию установщика прицела». Во время боя я должен был после сигнала наводчика «Цель поймана!» совмещать маховик временного задания полета снаряда и маховик полетного времени цели. И только после моего сигнала «Есть совмещение», командир давал команду «Заряжай!». Наш бронепоезд сыграл большую роль в сохранении Пятой ГЭС в Ленинграде. Мы отчаянно защищали от налетов немецких бомбардировщиков эту единственную действующую в городе электростанцию. Но наиболее всего мне памятен бой у Ладожского озера. В конце мая 1943-го эта акватория подверглась особенно ожесточенной бомбардировке. Помню, как однажды утром с наблюдательного пункта мы услышали голос капитана Гагарина: «По группе бомбардировщиков, с первого по девяносто пятому,

гранатой, темп пять, заряжай!». Раздался залп всех четырех орудий. Потом звук ревуна, и все четыре орудия ударили по врагу. Немецкие самолеты выстроились в кильватерную колонну, пошли по кругу и, переходя в пике, стали сбрасывать бомбы на стоявшие в порту корабли. Бомбы падали на баржи и пирсы, где находились эвакуируемые дети, женщины, старики... Тогда в налете вражеской авиации участвовали 37 бомбардировщиков, 8 истребителей, было сброшено более двухсот бомб. Потери с нашей стороны были большие. Погиб мой друг, разведчик Егоров. Но и фашистам изрядно досталось. Нам удалось сбить три бомбардировщика «Хенкель-111». Невозможно передать чувства, которые я испытал, глядя на то, как уходили вражеские машины под воды Ладоги. За эту операцию группа бойцов и командиров нашего бронепоезда была награждена правительственными наградами. Командир Гагарин получил орден Отечественной войны 1-й степени, а мне вручили медаль «За оборону Ленинграда».

Другой раз только развернулись на боевой позиции — налетели истребители «Фоккер». Но мы так дали в лоб немцам, что те больше не возвращались.

В декабре 1943-го наш бронепоезд прибыл на Борисову Гриву. Когда началась боевая операция по полному снятию блокады Ленинграда, мы получили приказ встать на прикрытие трассы. Наш бронепоезд, наряду с защитой Дороги жизни прикрывал на железной дороге составы, которые направлялись на Волховский фронт.

В 1944 году наш бронепоезд двинулся вместе с советскими войсками, освобождавшими Карельский перешеек. Прошли с боями до Выборга. Хорошо помню, как 17 сентября в небе появился финский бомбардировщик «Бристоль» в сопровождении советских «яков». Как оказалось, это в Москву направлялся президент Финляндии Паасикиви для заключения перемирия. Однако немцы условия перемирия не соблюдали, и Красная Армия отодвинула границу на 27 км, остановившись у Хиитола. В финской операции нам, бойцам бронепоезда, вооруженным стрелковым оружием, выдали еще и кинжалы, поскольку было много диверсий.

В 1945 году наша часть готовилась к переброске на восток, где шли бои с Японией. Но события разворачивались быстрее, чем можно было предположить. Войне пришел конец. И в октябре 1945-го я вернулся в родную Окуловку с орденом Отечественной войны 2-й степени и медалями. Устроился на работу инспектором по кадрам, которую мне тогда предложили. Но это было не для меня. Мне хотелось большего, и я пошел учиться. Окончил средне-технические курсы МПС, а потом Институт инженеров железнодорожного транспорта. Работал мостовым мастером, заместителем, а затем и начальником Выборгской дистанции пути. Возглавлял производственный отдел службы пути, был начальником отдела инженерных сооружений и изысканий института «Ленжелдорпроект», начальником технического отдела. Принимал участие в строительстве моста через Сайменский канал и его испытаниях, за что был награжден знаком «Почетный железнодорожник». И сейчас не сижу без дела, работаю с молодежью, состою в совете ветеранов и совете многоквартирного дома.

Борис Валентинович АРТЮХИН

В тот летний день мы с ребятами играли во дворе, бегали под лучами теплого солнца, как вдруг в небе появились немецкие самолеты. Объявили воздушную тревогу. Это объявление о налете было первым. Мы с мальчишками долго ждали этого выходного, чтобы собраться наконец-то всем вместе. Поэтому, когда взрослые пытались нас увести с улицы в бомбоубежище, всячески сопротивлялись. О том, что это опасно, тогда мы не думали, и что началась война, еще не знали. Но на нас посыпались осколки от разорвавшихся снарядов, и я понял, что детская игра в «войнушку» вдруг неожиданно стала настоящей. Помню, как уже потом, выйдя из укрытия, мы стали собирать осколки от снарядов, а они были рваные и горячие, и мы обжигали руки. Мне тогда было восемь лет.

В начале июля 1941 года мой отец добровольцем ушел на фронт, хотя как рабочий военного завода мог остаться в городе, потому что имел бронь. Моя мама умерла до войны, в возрасте 21 года, когда мне было три года. Поэтому я остался с бабушкой и дедушкой.

Жили мы на Петроградской стороне, на Кировском проспекте, в доме № 54.

8 сентября 1941 года началась блокада Ленинграда. В город пришел голод. Помню, как дедушка из остатков столярного клея готовил студень, а бабушка из остатков

муки с перемолотой березовой корой на касторовом масле пекла оладьи. Чтобы не умереть от голода, вещи меняли на продукты. Общественный транспорт не ходил. Канализация не работала. Воды не было. В квартире было холодно. Топили печку мебелью, книгами и всем, что горело.

В декабре 1941-го от болезни и недоедания на моих глазах умер дедушка. Мы с бабушкой остались одни. Жить стало тяжелее. В конце зимы плохо себя почувствовала и бабушка. Через некоторое время меня устроили в детский дом, а через три недели после этого, в марте 1942-го, умерла и она.

В ноябре наш детский дом был эвакуирован в Сибирь. Переправа по Дороге жизни оказалась для нас непростой. Нас привезли на берег Ладожского озера и посадили на паром. Но вскоре вернули назад. Произошло это потому, что вышедшую перед нами баржу с детьми разбомбили немецкие истребители. Все дети погибли.

Мы очень испугались, что то же самое может произойти и с нами. Днем, ожидая повторного отплытия, мы разбрелись по побережью. За нами никто особо не следил, охраны не было. Поэтому несколько детей в эвакуацию с нами так и не поехали. Они боялись, что бомбежка повто-

рится, и мы все погибнем. Отправляли нас ночью, поэтому им легко удалось избежать этой поездки. Я тоже боялся умереть, но решил испытать свою судьбу и поэтому вновь оказался на пароходе. Страх не покидал меня долгое время в пути. На озере был шторм, и нас здорово качало из стороны в сторону. Успокаивало меня только присутствие рядом взрослых. Мы верили, что взрослые что-то предпримут, и с нами ничего плохого не случится. Так мы доехали до поселка на берегу Ладоги. Оттуда нас отправили на вокзал и посадили в поезд. Ехали мы суток 10–12. Жаловаться было не на что. Вагоны были удобные, но главное, — нас кормили! Мы ели американскую тушенку и омлет из яичного порошка. В дороге мы наконец-то наелись.

Через две недели прибыли мы на станцию Упорово Курганской области и оттуда поехали дальше, в деревню Тютрино. Местные нас приняли безрадостно, хотя сказать, что там нам было плохо, нельзя. Колхоз под наш детский дом выделил дома. Первый год было голодно. А потом полегче, потому что тот же колхоз нам дал несколько коров, свиней, мясо. Сложно было находить общий язык с местными ребятами, с которыми нас определили в одну и ту же школу. Чего мы только не устраивали!.. Первое время они над нами смеялись и обзывали. Мы часто слышали в свой адрес: «Дистрофики! Дистрофики приехали!». Мы, конечно, были доходяги, но очень злились. И вскоре такая вражда привела к потасовкам и дракам с ножами, порой друг на друга ходили с цепями. Деревенские били нас со всей дури, и, чтобы защищаться от них, мы делали ножи. В одной из драк с местными

меня ранили ударом ножа (шрам под левой лопаткой до сих пор напоминает об этом). Но и я в долгу не остался. В ответ ударил ножом по ноге. Но кого — так и не понял, потому что толком не видел. Такая была свалка! Слава богу, рана моя была не очень серьезная, лезвие только вошло под кожу. Да и взрослые — родители деревенских и воспитатели — вовремя подбежали и разняли нас. С тех пор мы жили дружно. Мне тогда было 11 лет.

Свой приезд в деревню мы воспринимали как данность. Считалось, что так и должно быть. Но мне все время хотелось вернуться в Ленинград, в ту среду, где я вырос. Очень тянуло в свой двор, где мы с ребятами перед войной делали деревянные сабли и играли в «Чапаева». Жалости я к себе не испытывал и сиротой себя не чувствовал. Это ощущение появилось потом, когда после войны возвратился в Ленинград.

Вскоре после войны наш детский дом вернули в Ленинград. Когда в город приходили составы из эвакуации, по радио передавали сводки о том, из какого района пришел эшелон, и обращались к родственникам с просьбой детей забрать. Нас разместили в здании школы на Лиговском проспекте. В течение трех дней почти всех разобрали, а за мной не пришел никто. Тогда было, конечно, обидно... За мной и идти-то было некому: мама и бабушка с дедушкой умерли, отец — еще не вернулся с фронта. Но я помнил адрес, по которому проживал до войны. Заведующая детдомом съездила туда и встретила с нашей соседкой, тетей Катей, которая меня к себе и забрала. Несколько дней понадобилось тете Кате, чтобы разыскать мою родную тетю, сестру моего отца, проживающую со своим мужем, военным летчиком, в Ивановской области. Так что вскоре я уехал к ним и прожил там до тех пор, пока не вернулся отец.

А отец, как оказалось, был в плену. Во время войны он служил моряком, главным механиком дивизионного торпедного катера. В Эстонии его катер был разбит, и отец вместе с сослуживцами попал к немцам в плен. В плену ему пришлось пережить немало горьких моментов.

Сначала большим ударом для него и его товарищей стало предательство, когда скрывающая их в своем

погребу эстонка выдала фашистам, и когда кто-то из своих же товарищей указал немцам на комиссара, чтобы те его расстреляли. Оставшихся в живых пленников нацисты отправили в эстонский лагерь. К нашим пленным охранники-эстонцы относились безжалостно. Отец рассказывал, как палками били за любую мелочь, на несколько суток оставляли без еды. В лагере отец с двумя пленными дважды предпринимал попытку побега. Но каждый раз их ловили и били так, что живого места не оставалось. И только мысль обо мне и его второй жене француженке Елене, которая, увы, потом тоже умерла, придавала ему сил выжить в трудных условиях.

С наступлением советских войск лагерь с военнопленными постепенно передвигали вглубь немецких территорий. И когда из охраны остались только немцы, жить стало легче. К узникам они относились более благосклонно, чем эстонцы. Да и чувствовалось приближение свободы. В один из дней немцы бросили лагерь и ушли. Оставшись без надзирателей и не зная, как поступить, в первую очередь отец с другими пленниками разобрали на складе оружие и стали ждать, кто придет: немцы, русские или американцы. «Нас, из разных лагерей, было 100–150 человек, — рассказывал мне отец. — Мы окопались в городе. Питались тем, что могли доставать из погребов. Вдруг видим, идут танки и большая группа военных в форме СС. Мы думали — немцы, но оказалось, что это американцы». Американцы к нашим пленным отнеслись достаточно хорошо. Они перевезли их в бельгийский городок Шарль Леруа и обратились по радио к жителям с призывом приютить у себя русских: «Нам негде пока их содержать. Кто может, возьмите их к себе на дом», — говорилось в объявлении.

Отца взял к себе один бельгиец, слесарь. Он имел двухэтажный дом. Отец рассказывал, как бельгиец подошел к нему и сказал «come» (пошли). А он ответил: «Вот, смотри, что ты берешь» — и распахнул бушлат, который был на нем, а там — вши. Бельгиец оказался не из пугливых и, увидев «приданое» отца, сказал: «Ничего, пошли», — и велел отцу садиться в машину. В доме бельгийца отца ждал горячий душ, чистая одежда, еда и несколько месяцев спокойной жизни. Все старые вещи были сожжены. Окружающие относились к отцу хо-

рошо, ему удавалось даже ездить в Париж и другие близлежащие города.

Через некоторое время отцу объявили, что таких, как он, вскоре будут распределять для отправки на постоянное место жительства. Распределение происходило следующим образом. «Американцы предлагали варианты: ехать в Союз, в Канаду или в Бразилию, — рассказывал отец. — И предупреждали о возможном расстреле тех, кто хочет вернуться на Родину. Нас приглашали в комнату и говорили: дверь налево — Советский Союз, направо — Бразилия, напротив — Канада. Если вы не захотите ехать в Советский Союз, мы вам обеспечим проезд в другой город, дадим деньги на первое время, а дальше устраиваться будете сами». У отца, конечно, было желание поехать или в Канаду, или в Бразилию, но он знал, что я и Елена — в Ленинграде, и поэтому вернулся сюда. Было это уже в 1946 году.

Когда он вернулся, нам пришлось начинать все сначала. Жить нам было негде. Наша квартира была занята другими жильцами. Елена умерла. Года два мы с отцом скитались по знакомым в поисках крыши над головой. А потом отец женился, и мы стали жить в квартире его новой жены. Отец устроился на завод «Красная Бавария», я ходил в школу. Но передрыги, отсутствие постоянного места жительства не давали учиться хорошо. Аттестат у меня был плохой. И после 7 класса я по совету отца и мачехи поступил в машиностроительный техникум. Мне очень хотелось добиться чего-то в жизни. И, окончив техникум, я по комсомольской путевке поступил в летное училище. После него была учеба в Политехническом институте, интересная работа и удачная карьера. Я многого добился, всю жизнь посвятил

С супругой Ольгой Александровной

Ленинградскому металлическому заводу, поездил по всему Советскому Союзу, занимаясь монтажом паровых и газовых турбин на электростанциях, годами работал в Венгрии и в Индии, защитил диссертацию, вырастил сына, а сейчас нахожусь на заслуженном отдыхе, помогаю растить и воспитывать правнуков Андрея и Даниила.

Ольга Александровна АРЕФЬЕВА

Мое детство и молодость прошли в Калининском районе, который я очень люблю. Здесь я встретила войну, известие о Победе и любовь всей своей жизни.

Родилась я в 1938 году. И о первых днях войны могу рассказывать со слов мамы. Мне ведь тогда было всего три года. С ней мы пережили все тяготы войны в Ленинграде, не выезжая ни на один день.

22 июня 1941 года стояла солнечная, теплая погода, и мы гуляли с мамой на улице. Неожиданно по радио объявили о начале войны. Мы спешно вернулись домой. Для нас началась новая, суровая жизнь. Мама стала больше работать, она уходила рано утром и возвращалась в 12 ночи. Ни бабушка, ни две мои родные тети, проживающие на соседней Минеральной улице, присматривать за мной не могли. Бабушка Шура все дни выхаживала раненых в госпитале, тетя Нина ушла на фронт, тетю Олю забрали на работы в Девяткино. Присматривать за мной стала тетя Люба Смирнова, комендант общежития, которое находилось неподалеку от нашего дома. Жили мы в то время на улице Жукова, дом 21. Каждое утро, после маминого ухода, тетя Люба приходила, кормила меня и забирала к себе, и каждый вечер, еще до маминого прихода, отводила меня домой и укладывала в постель. Мне было очень страшно одной, и я терпеливо

ждала возвращения мамы. Она работала в Невском райпо, домой приходила уставшая и всегда приносила что-нибудь поесть. Придя домой, мама сразу же бралась за мою голову. Педикулез в то время был обычным делом. Мама долго не хотела отстригать мои косички с бантиками, поэтому постоянно мазала мою голову керосином. Перед сном она терпеливо перебирала пряди моих волос и постоянно что-то мурлыкала себе под нос: то пела мне колыбельную, то рассказывала сказки. В эти минуты мне было очень хорошо.

Пока мама была на работе, я с другими детьми из нашего дома жила детской жизнью. В часы затишья, между бомбежками, гуляла во дворе с сыном тети Любы, играла в лапту и в футбол с мальчишками. Это у меня получалось очень хорошо. Одно время ходила в детский сад, который находился за 47-й школой. А потом его не стало. Что с ним случилось, сказать сложно. Не исключено, что разбомбили. Видимо, поэтому меня и стали оставлять с тетей Любой.

Ленинград бомбили часто, не по разу в день. Помню, как во время налетов и объявления воздушной тревоги мы бежали в бомбоубежище, которое находилось под нашим домом, и как с наступлением тишины из него выходили. Снаряды, конечно, долетали и до нашей улицы. Однажды мы с подружкой играли в песочнице, как вдруг упала бомба. Слой земли и песка посыпался на наши головы. Тетя Люба схватила нас и кинулась в укрытие. Вечером того же дня еще один снаряд разорвался недалеко от нашего дома. Я очень хорошо помню, как сильно я испугалась в тот момент. Как обычно, я была дома одна. Вдруг раздался грохот, на мою кровать со стены попадали картины. Они были в красивых резных рамах. Я укуталась в одеяло и не знала, что делать. Утром соседи сказали, что в нашем доме образовалась трещина.

Вскоре в нашей трехкомнатной квартире, в которой мы жили с мамой вдвоем, появились новые жильцы. С чужими людьми мы вынуждены были делить наш кров и тепло. Но с тетей Марусей и ее мужем-рыбаком мы достаточно быстро подружились, а вот тетя Нюра оказалась сварливой и вечно недовольной женщиной. В квартире на три комнаты было две большие печи. Одна отапливала комнату тети Маруси,

вторая находилась между нашей и комнатой тети Нюры. Топка была со стороны нашей комнаты, и тетя Нюра постоянно требовала, чтобы мы топили печь, хотя дров никогда не давала. Она все время ругалась: «Когда вы будете топить?!». А мама отвечала: «Когда же дрова-то дадите?». Но мы все равно топили. Согреться так, как хотело того тело, было невозможно. Зимы были суровые. У меня постоянно мерзли нос и шея. Мне прикрывали нос, закутывая лицо платком до самых глаз. До сих пор помню, как мы с мамой сидели у печки и как горели дрова.

Сейчас Кондратьевский проспект является одной из главных магистралей нашего города. А в годы войны он замер, трамваи ходить перестали. Между ним и улицей Жукова была воздвигнута баррикада. Я до сих пор помню, как она выглядела. Многое с тех пор изменилось. К примеру, появилась площадь Калинина и памятник самому революционеру. А в 1945-м этот участок стал местом казни фашистов. Я помню, как напротив кинотеатра «Гигант» вешали немцев. Меня кто-то

посадил на сук, и я четко видела, как на веревках болтались их тела. Что я чувствовала? Мне стало спокойнее, как будто что-то отпустило. Я подумала: «Слава богу, они нас больше не будут бомбить».

Как и все в то время, чтобы не умереть от голодной смерти, по весне мы собирали крапиву, лебеду, подорожник, одуванчики и варили из них какую-то еду. Помню, как за 139-й школой перекапывали картошку, капусту. Но такая еда мало кого спасала. 20 июля 1943 года в возрасте 55 лет от голода и

болезни умерла моя бабушка (по папиной линии) Дзейко Наталья Ивановна. Не стало дедушки и двоюродного брата Вовы, которому было всего 16 лет. Мы с мамой сильно плакали от горя. Они были хорошими людьми. Дедушка работал артельщиком. Бабушка была домохозяйкой. Они жили на Петроградской стороне. Сил помогать им у мамы не хватало, но зато маме удалось помочь своей сестре Нине выходить ее маленькую дочь Мариночку. Мариночка жила на Минеральной улице, но ее часто приводили к нам. Помню, что она была слабенькой, но, слава богу, выжила.

К маю 1945-го мне было уже семь лет. И, конечно, я уже хорошо понимала, что происходит вокруг, и очень ждала Победы. Как долго мы о ней мечтали! О том, что война закончилась, мне сказала мама. Помню, сколько радости мы испытали, как во дворе все прыгали, обнимались,

целовались. Все эти годы я представляла, как хорошо станет нам жить после войны, будет что поесть. Не надо будет думать о том, что мама рано уходит и поздно приходит. Мечтала, как много внимания она будет мне уделять. И так и случилось. После войны мама проводила со мной много времени. Конечно же, записала меня в первый класс 147-й женской школы на улице Жукова. Здание школы до сих пор сохранилось. На каникулы отправляла в пионерский лагерь на Ладогу и приезжала туда. Хотела, чтобы я развивалась, и поэтому в клубе РЖУ на Кондратьевском проспекте, где сейчас универмаг, отдала в класс фортепиано. Через несколько лет в класс во время занятия постучался молодой человек и спросил: «У вас есть места? Я тоже хочу играть на фортепиано». Я посмотрела на него и сказала себе: «Это мой, мой молодой человек». Это был мой будущий муж Борис Валентинович. Мне тогда было 19, а ему 25 лет. С тех пор, уже более полувека, мы вместе. Правда, живем не на моей родной улице Жукова — наш дом снесли, так как он представлял угрозу для проживания, и всех жильцов расселили. Мы переехали и в настоящее время проживаем по адресу на Кондратьевском проспекте, дом 83, корпус 2. Находимся на заслуженном отдыхе — я всю жизнь проработала медработником — и помогаем внуку воспитывать его детей, наших дорогих правнуков Андрея и Даниила.

Галина Павловна БОЧКАРЕВА

Я родилась в 1936 году. До войны мы жили в Ленинграде на улице Коммуны. Мой отец работал на заводе «Краснознамёнец» электромонтёром. Мама работала почтальоном в 30-м почтовом отделении, которое находилось на шоссе Революции. С нами жила бабушка Феодосия Максимовна.

У моих отца с матерью была «бронь», поэтому мой папа остался в городе. Родители переживали за нас, за меня и годовалого братика, и решили отправить с бабушкой в Ярославскую область, в деревню к бабушкиной сестре.

Тот день я помню смутно. В обрывках памяти — толпа народа на вокзале, суета, слезы. Все снуют, прощаются, обнимаются. Я засмотрелась на девочку, которая долго не могла выпустить из своих объятий маму, и вдруг почувствовала толчок, поток людей подхватил меня и понес в неизвестном направлении. «Галя! Галя!» — кричала бабушка. Я пыталась крикнуть что-то в ответ, но не могла выдать из себя ни слова. Я потерялась. Когда пришла в себя, вагон, в который толпа внесла мою бабушку, вместе со всем составом уже тронулся с места. Бабушка уехала без меня.

Отец постоянно жил на заводе, потому что он отвечал за светомаскировку. Я всё время проводила с мамой. Она брала меня с собой на почту, и мы вместе с ней разносили «треугольники» — долгожданные письма с фронта.

Когда я уставала, мама отводила меня домой (почта была рядом). Она оставляла мне кружку кипятка, кусочек хлеба или дуранды, завернутый в бумагу, и просила, чтобы я ела его как конфетку — по крошечке! Но так не всегда получалось.

К весне 1942 года мама стала плохо ходить. И это не удивительно. К тому времени все ее коллеги умерли, и она одна работала круглые сутки. Ей приходилось быть и за начальника, и за почтальона одновременно. Однажды вечером она не вернулась с работы, и я пошла её искать на почту. Маму я увидела недалеко от дома, сидящей на мосту и не способной подняться. Мимо неё проходили люди, но они не могли ей помочь, так как сами были совершенно обессилены. Кое-как, держась за меня своей ослабленной рукой, она поднялась, и мы еле-еле доковыляли до дома. Вскоре маму отправили на лечение в госпиталь, а меня в какой-то детский приёмник для последующей отправки на «большую землю».

Отправляя меня на Ладогу, отец снабдил меня запиской, в которой были указаны все мои данные и место назначения — Ярославль.

...Это было в конце мая, но Ладога была еще покрыта льдом. Немецкие самолеты не переставали «пасти» баржи с мирными людьми. Когда баржи с пассажирами подходили к противоположному берегу, они, как стервятники, налетали и открывали огонь. Люди в панике прыгали за борт, лед ломался и вместе с ними уходил под воду. Тогда на моих глазах погибло много детей.

Кое-как я добралась до Ярославля. Там на вокзале меня должна была встречать бабушка. Но увидеться на перроне нам снова не удалось — народу была тьма. Меня отправили в детский приёмник, и уже там бабушка меня отыскала.

После меня из Ленинграда эвакуировали маму. Ее отправили к нам, в Ярославль, но мама проехала мимо, аж до самой Башкирии. К тому моменту она была настолько слаба, что ходить была не в состоянии. Выбраться из вагона на нашей станции мама не могла, а бабушка отыскать ее в той давке не сумела, и поезд вместе с мамой поехал дальше, до самой Башкирии. В Башкирии мама провела почти год. Людям, приютившим ее, до сих пор хочется сказать спасибо за тепло и добро, которым они окружили маму в сложное для себя время.

Воссоединились мы с мамой только в 1943 году, когда она набралась сил и приехала к нам, в Ярославль. Мы были несказанно рады нашей встрече, я долго не могла отпустить ее от себя, все боялась потерять.

Осенью 1944-го я пошла в первый класс 137-й средней школы. Дом, в котором мы жили до войны, разобрали на дрова. Отцу выделили комнату в доме № 23 на улице, которая сейчас называется Челябинская. Школа находилась в рабочем посёлке, и нам, первоклашкам, приходилось ходить три-четыре километра от нашего дома.

Зима 1944–1945 годов выдалась холодной и снежной. Однажды, возвращаясь из школы домой, мы с ребятами спрятались от ветра под мостиком. Там у нас был штаб «папанинцев» — так мы играли. Вьюга поднялась сильная, и нам было самим не выбраться, мы сильно обморозили руки. Взрослые нашли нас лишь поздно вечером.

В марте 1945-го в нашей семье родился третий ребёнок — Татьяна, а в 1949 году — Надюшка. Послевоенные годы для меня были тяжёлыми. Из детей я была самая старшая. Приходилось и нянькой быть, и по хозяйству матери много помогать.

В 1951 году я окончила школу и поступила в электромеханический техникум. После его окончания по распределению уехала в Караганду. Там я работала в аэропорту. Отработав два года, вернулась в Ленинград.

В родном городе я вначале устроилась на завод «Краснознамёнец» на телефонную станцию. В 1962 году перешла на работу в Ленинградское оптико-механическое объединение (ЛОМО). Там я проработала 37 лет настройщиком радиоаппаратуры 6 разряда. Мне пришлось участвовать в настройке самого большого в мире телескопа БТА. За эту работу я была награждена орденом «Трудовой славы».

1942 г.

Михаил Васильевич ВАСИН

Когда началась война, я думал, что продлится она недолго. С ребятами даже радовались, говорили: «Ну, мы их побьем быстро!» Про себя думал, что отвоюю — война-то раз, два и кончится, — и пойду в институт. Не знал, в какую кашу попаду. Военным быть никогда не желал, хотел учиться в ЛЭТИ. Даже на мандатной комиссии при поступлении в Третье Ленинградское артиллерийское училище заявил об этом:

— Учиться в училище не желаю. Я хочу пойти рядовым, отвоевать и пойти в институт.

Мне говорят:

— Вас, молодой человек, учили, от вас мы должны получить пользу. А пойдете на фронт, вас убьют, какая от вас польза? Поэтому с вами разговор короткий — вы приняты в 3-е ЛАУ. Встать!

Я встал.

— Говорите, что вы — курсант Васин.

— Есть, курсант Васин!

— Кругом!

И пошел. С этого момента началась моя война.

Но прежде меня чуть врачом не сделали. Когда начали нас, молодых ребят, вызывать в военкомат, мы с одноклассниками решили, что служить будем только

вместе. Сперва нас вызвали в танковое училище, но оттуда мы удрали. Не помню уже как, но во всяком случае там особенно нас не держали: не хотите — ну и идите.

Потом вызвали и говорят:

— Давайте в медицинскую академию. Врачами будете.

Ну, врачами, так врачами. Юра Бардинов и Леша Дмитриев там так и остались, а я удрал.

Потом нам сказали:

— Раз никуда не хотите, пошлем вас на Урал в авиационное училище дальних бомбардировщиков.

Мы:

— Это для нас годится! Берлин будем бомбить!

Пришли к военкомату, а друг один наш Ваня Ена задержался. Мы же хотели вместе служить, поэтому ждали его до конца. Ваня пришел через час, мы — к военкому, а нам говорят:

— Где вы были? Мы уже отправили команду. Как вы можете так поступать в военное время? Вас под суд надо отдать!

Потом было 3-е ЛАУ. Учили нас чуть ли не 24 часа в сутки — торопились готовить новые кадры. В самый последний момент, когда немцы еще не успели захлопнуть железную дорогу, училище было эвакуировано в Кострому. Там же в январе 1942 года я окончил его с двумя «кубарями» — лейтенантом, значит, кубики раньше носили на погонах.

После училища отправили, как потом выяснилось, не туда, куда нужно — в Гороховецкие лагеря. (Гороховец — город в Свердловской области.) Оттуда нас должны были распределить по войскам. Помню, отправляли нас срочно, выдали паек селедкой в бочке. Вот для нас задача была, как

селедку делить? Мы решили катить бочку на станцию, там погрузить и разделить. Не помню, как разделили, но пока катили, из бочки дно вывалилось, и рыба развалилась по дороге. Смешно было!

Прибыли мы в Гороховец. Нам говорят:

— Вот здесь будете размещаться: метров 50 траншея, покрытая еловым лапником. Нары во всю длину, у дверей — железные бочки, которые топились круглые сутки.

Мы разместились. Помню, спать не мог — всё ветки кололи, и холодно было.

Вскоре нам объявили:

— Корпусники нам не нужны (а мы оканчивали училище по корпусной, тяжелой артиллерии), нужны минометчики. Давайте вас переквалифицируем.

И тут же приходит депеша: формируется артиллерийский полк в городе Кострома. Мы — назад. В Костроме уже больше порядка было. Полк еще не был оснащен, солдат не было, призыв шел по всей области.

Размещались мы в здании средней школы — там были наши казармы и пищеблок. Но потом по мере пополнения полка новобранцами нам приказали искать квартиры для житья самостоятельно. И мы ходили по домам, стучали в двери, искали, кто нас пустит. Квартиру нашли у бабушки, спали вдвоем с товарищем на широкой кровати.

Когда полк был сформирован, нам, лейтенантам, пришлось обучать солдат и артиллерии, и шагистике, и прочему. На подготовку давали 3 месяца. Поступила матчасть: гаубицы 122-миллиметровые — возили их «студебеккеры» (американские тягачи, они могли везти на крюку три тонны — как раз вес гаубицы, и три тонны — в кузове).

Перед отправкой на фронт мы провели первые стрельбы. Полигона специального, правда, не было. Стрелять пришлось в поле. И тут случай забавный произошел. Один неопытный командир батареи неправильный расчет сделал, снаряд пустили, и разорвался он среди коровьего стада!.. Никто из коров, к счастью, не пострадал — успели разбежаться. Стрельбы были засчитаны, написали, что провели на высо-

2010 г.

ком уровне. Нас погрузили в поезд и повезли, а куда — не сказали. Неизвестно это было и машинисту: приказали ехать до определенного места — до ближайшей остановки, и все. А там его заменил другой, который так же вез до следующего пункта назначения. И так всю дорогу — в условиях повышенной секретности.

Кинули нас под Москву, в направлении Волоколамск — Ржев. Там состоялся мой первый бой. Я был командиром взвода, потом старшим на батарее. Наступление готовилось серьезное. Чтоб прорвать немецкую обо-

рону, двое или трое суток мы стреляли день и ночь. Прорвали. Нашли немецкий склад со шнапсом, и многие перепились...

В 20 километрах от Ржева наш полк занял позиции на скате овражка. У меня был свой окоп, из него я выскакивал и подавал команды. Так как немцы меня засекли, стреляли по нам и днем и ночью. Много было потерь. Я командиру батареи говорил, что на 300 метров надо сдвинуться, чтоб уйти от огня. Убедил его в этом. Мы подготовили позиции и ночью перебрались. А когда солдаты утром пошли на старую за оставшимися вещами, то, вернувшись, рассказали, что в мой окоп было прямое попадание.

На войне мне везло. Однажды немцы ночью провели артоналет. Снаряд разорвался недалеко от моего окопа, меня отбросило взрывной волной. Как я летел! Окопчик находился на краю оврага, в котором стояли машины.

Я катился по этому откосу, пока головой не ударился о колесо машины. Очнулся и начал карабкаться наверх. Когда утром посмотрел вниз, увидел, что склон весь был изрезан осколками. Как я проскочил через них? Машину, о которую я ударился, всю изрешетило, водителя — убило. Это был первый убитый, которого я увидел на войне.

Летом 1942-го после продолжительных боев мы заняли поселок Анино. Немцам было важно вернуть утраченные позиции. Они всячески пытались подавить нашу артиллерию. Потому что знали, солдат не пойдет, пока артиллерия не расчистит ему путь. Чтоб уничтожить нашу батарею, фашисты выпустили уйму самолетов. Тогда я впервые увидел над собою черные тучи из самолетов, как только выстрел какой-нибудь, так туда ныряют несколько самолетов и бомбят — не дают стрелять артиллерии. А раз не дают — всё, солдат уже не пойдет вперед — не подавлены огневые точки. Ведь солдат что: пока по нему не стреляют — он идет, как только огонек на него попал, пули засвистели — он ложится, и никакой черт его не подымет. Это только говорят, что на огонь кидались. Бывало, если долгое время стреляли, пока солдат лежал, от нервного напряжения и страха он засыпал. Поднимать приходилось его, стуча палкой по каске — вставай, в атаку!

Немцы пустили на Анино танки и выгнали нас. Да так, что мы еле ноги унесли. Стреляли мы долго, успели истратить все снаряды, которые были с собой. Из каждой батареи отправили за снарядами по два «студебеккера». При отступлении тягачей не было, чтобы тащить технику. Связку применили: сцепили две гаубицы, чтоб одному тягачу тащить. И это вместо положенных трех тонн — шесть. Вместо трех тонн в кузове, еще везли всех батарейцев — человек 120. Мы сцепили гаубицы, поехали в тыл, в место сосредоточения. Отступали днем. Над нами постоянно летали самолеты, двигались мы от кустика до кустика. Скрыться негде было. Смотрим, самолетов нет — побежали. Удрали мы не без потерь. Один командир орудия сел на передок задней сцепки. Тащили связку под гору, притормозили переднюю гаубицу, а задняя пошла, и ему грудь раздавило.

Тогда одни только мысли были: быстрее уйти, и так, чтобы нас не разбомбили. Полк наш был РГК — резервом главного командования. Таких полков было несколько сот по всем фронтам. Они подчинялись только главному командованию. Каждая рота имела ротные минометы, полк — полковую артиллерию, дивизия — дивизионную.

После того как мы удрали, готовилась операция — наступление на Ржев, готовил ее Георгий Жуков.

Ржев — крупный железнодорожный узел. У нас такого узла, чтобы можно было вдоль фронта поезд пускать, больше не было. Важно было Ржев вернуть. Впервые за войну было сосредоточено в этом направлении на километре триста труб, начиная с минометов, кончая крупной артиллерией, т. е. на каждом километре стояла армада в 300 труб. Против такой артиллерии немцы ничего не могли сделать: когда вся она начинает стрелять, то остается только бежать. Нас на эту операцию и направили.

Помню, дожди шли недели две, дороги все раскисли страшно. В августе было это. Когда мы начали артнаступление, немцы отошли, и мы двинулись вперед. Было это в районе рек Вазуза и Осуга. В 20 километрах от Ржева войска наши застряли в грязи. А так, может быть, мы бы и ворвались в Ржев. Наш тяжелый танк ТКВ (танк «Клим Ворошилов» — самый тяжелый, с мощной броней, ни одно немецкое орудие не могло ее пробить) застрял при въезде через речку на мосту. Ничего не мог сделать: чем больше он работал, тем больше увязал в жиже, грязь из-под него летела аж до неба. А он — на месте. Немцы в свою очередь тоже всю технику оставили — вывезти было невозможно.

В боях под Ржевом очень много ребят погибло. Там я видел огромное количество наших подбитых танков! Англичане подарили нам танки с бензиновыми моторами. Хотя все работали всегда на дизеле. А что такое бензиновый мотор? В машину не попало, а ударило осколком, полетели искры — танк загорелся. Из него выбраться практически невозможно было. Из нашего ребята через нижний люк выбирались, а здесь уже ничего не сделаешь. Подходишь к танку — пахнет горелым мясом...

Когда шел дождь, мы оборудовали огневые позиции. Все солдаты занимались этим — каждое орудие должно иметь окоп, чтобы можно было там разворачиваться и не особенно вылезать. Во время этих работ на нас вдруг посыпались снаряды. Страшно было! Особенно мне, потому что еще необстрелянный был. Я каким-то образом прыгнул в окопчик. Когда все закончилось, вылез, и первое, что я увидел — разорванный человек. Помню только одно: внутренности почему-то серые и парок идет...

Многого еще пришлось насмотреться. Помню, бойца ранило, ногу разорвало полностью, из него хлещет кровь фонтаном. Санструктор пытается ухватить кусок ноги, чтобы перетянуть жгутом. Руки и жгут — в крови, все выскальзывает. Так боролся-боролся, пока солдат не затих, кровь вся вышла...

В соседней батарее служил комиссар. Он очень боялся за свою жизнь, никогда не расставался с каской. Если не надевал на голову, то носил на руке. И вот однажды после очередной бомбежки стали подсчитывать убитых и раненых — нет комиссара. Куда он делся? Искали, искали, нашли его окровавленное тело без головы... Видимо, вылез посмотреть, а тут — бомба... Голову и снесло.

***

Но происходили и забавные случаи. Как-то наши «Илы», которых немцы называли летающими танками, возвращались со штурмовки — летали тройками тогда еще. Три летели туда, а возвращались два. Метрах в 300 стоял грузовик с четверненным пулеметом — для стрельбы по самолетам. Один, скорее всего, подбитый, «Ил» крался за теми, кто летел впереди, крался по сосенкам. Так пулеметчики решили, что это «мессер» за ними гонится, и рванули по нему. Летчик разозлился, видимо, и сбросил на них все бомбы, которые не использовал в бою. Грузовик загорелся, а самолет полетел.

В последнее время немцы настолько озверели, что стали бросать бомбы по полтонны. Это страшная штука: рвется бомба — идет несколько огненных кругов. Когда я подошел к воронке после одного такого взрыва, то понял, что туда взлетит вся моя батарея: все четыре гаубицы и четыре «студебеккера».

1942–1943 года были очень бедные на ордена: «Вы все драпаете! За что вам ордена давать?» — говорило командование. Но в 1942 году я получил медаль «За отвагу!». Она считалась как орден. Летчики за каждый сбитый самолет получали ордена, но всегда говорили: «Дайте хоть одну медаль “За отвагу!”». Эту медаль у меня украли, когда везли в госпиталь в Иваново. В Смоленске меня на носилках перегружали с поезда на поезд, я потерял сознание, полевая сумка была под головой... Да, частенько это было, что санитары грабили раненых. Кто воевал, кто воровал. Когда привезли в госпиталь, спрашивают: «Кого привезли?». История болезни есть, а документов нет. Вытащили и паспорт, и аттестат, и партбилет.

А вступить в партию, между прочим, меня комиссары заставили: «Ты хороший артиллерист. Давай в партию вступай!». И я под Ржевом стал кандидатом в члены партии.

После тяжелого ранения я вернулся в блокадный Ленинград и решил осуществить свою мечту: поступить в Электротехнический институт. Приняли меня в ЛЭТИ без экзаменов, по существующему тогда приказу Сталина. Пришел, а там уже месяц, как учились: «Ну, куда же вы? Вам будет тяжело. На первой же сессии срежетесь», — говорили мне в деканате. Но я учился день и ночь, чтоб сдать сессию. Мне надо было выдержать. Первую сессию сдал на «4» и «5» — голова болела!

Когда объявляли о капитуляции Германии, я сидел в столовой на Кировском проспекте. Услышал это долгожданное сообщение по радио. Взял 100 граммов, помянул ребят убитых и вспомнил раненых...

Римма Васильевна ВЕСЕЛОВА

Три года мне было, когда началась война, и, конечно же, воспоминания о том времени у меня остались смутные. Но очень хорошо я помню своих родных и близких, кому пришлось пережить все невзгоды и тяготы. Это люди, кому я обязана многим, о ком никогда не забуду, на кого равнялась всю жизнь. Это моя вторая мама Евдокия Павловна Зотикова, тетя Мария Павловна и ее муж, человек непростой судьбы, Иосиф Владиславович Окулич.

О них хочу рассказать по порядку.

Евдокия Павловна Зотикова (Хромова)

Я рано потеряла родителей. Мама умерла, когда мне было девять. Перед смертью она просила свою родную сестру Евдокию позаботиться обо мне, и тетя выполнила ее просьбу. Она взяла меня, маленького заморыша, которого надо было кормить, одевать и учить. Любила меня как родную дочь. В голодные годы блокады она для многих стала ангелом-хранителем. В тяжелые послевоенные годы делала все, чтобы я, болезненная, истощенная девочка, окрепла и чувствовала себя хорошо.

Родилась Евдокия Павловна 14 марта 1909 года в деревне Ялгино Тихвинского района Ленинградской

области. С 1929 года жила, училась и работала в Ленинграде. В 1934 году вышла замуж за Дмитрия Изотовича Зотикова. Он работал в милиции. Через год у них родился сын Женечка, но он рано умер. Заболел воспалением легких, и спасти его не удалось.

В 1941 году Евдокия окончила медицинский техникум и была зачислена медсестрой во 2-й Ленинградский институт (больница им. Мечникова). Здесь она проработала всю блокаду, выхаживая раненых. Благодаря ей выжили в то голодное время и ее сестры: Мария, Анна

и Татьяна. Не смогли спасти только детей: Володечку — сына Марии (он родился перед войной), детей Анны — Наденьку и Володю; и Леночку — сестру мужа Анны. Все они похоронены в общих могилах на Богословском кладбище.

В феврале 1943 года тетя мобилизована в РККА, назначена начальником аптеки в медсанбат полка правительственной связи. Вместе с войсками прошла через всю Европу. 30 ноября 1945 года уволена в запас. Награждена медалями «За оборону Ленинграда»; «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне»; орденом Отечественной войны 2-й степени.

1946 год выдался трудным для Евдокии Павловны: умерла мама (Хромова Агруфена Тимофеевна), погиб муж, выполняя задание. Он с командиром ловил воров, и их сбросили с поезда возле ст. Кушелевка. (Второй раз тетя замуж вышла в 1948 году за Исакова Константина Александровича. Познакомил их его двоюродный брат — Николай Георгиевич Исаков, который лечился в больнице им. Мечникова.)

В 1947 году от болезни скончалась моя мамочка. Я долго тосковала по ней, часто смотрела в сторону Богословского кладбища, на котором она похоронена. В голове все время вертелось: «И мертвые восстанут». Я ждала, когда она ко мне выйдет...

Но забрав к себе мою родную маму, Бог подарил мне вторую, любящую, добрую, отзывчивую. Весь «Поселок» (так мы называли 73-й дом на Кондратьевском) обращался к Евдокии Павловне за помощью. Телефонов ни у кого не было, «неотложку» вызвать

ночью было сложно, и все бежали к ней. Она никогда не отказывала, делала уколы, давала лекарства, оказывала первую помощь. Жили мы втроем: Евдокия Павловна, Татьяна Павловна и я в трехкомнатной квартире в деревянном доме с печным отоплением. Первое, что они сделали — взяли козу по прозвищу Чайка. Она была серая, своенравная, чистоплотная. Если приносили воду и опускали в нее палец, то Чайка эту воду пить отказывалась. Пока козы не было, молоко нам приносила тетя Миля (у нее коза была). Тетя Миля тоже жила в 73-м, но на противоположной стороне. Домов с номером 73 было десять, но в один, рядом с нашим, попала бомба, и его разобрали на дрова. Дома стояли в два ряда по пять в каждом, так что в нашем было четыре дома. Дома были двухэтажные по восемь квартир в каждом. Почти во всем городе было печное отопление, поэтому в каждом дворе стояли сараи для дров. В них мы (да и все) держали свиней, кур, коз. Баба Миля работала дворником. Она вязала мне носочки из козьей шерсти. По национальности она была эстонка. Очень хорошая, добрая женщина.

Иосиф Владиславович ОКУЛИЧ

Мой дядя, муж маминой сестры Марии, Иосиф Владиславович Окулич, 23 июля 1938 года был арестован особым отделом 56-й стрелковой дивизии города Пскова как «враг народа». Год находился под стражей и следствием. Освобожден с прекращением дела за неимением улик государственной измены. Приказом Народного Комиссариата обороны 31 октября 1939 года восстановлен во всех правах офицера Советской армии.

За что на него было повешено это позорное клеймо, судите сами. Вот его биография.

Родился Иосиф Владиславович 26 декабря 1909 года в Нью-Йорке, США, в семье рабочего котельщика. По сложившимся обстоятельствам родители были вынуждены покинуть пределы царской России. На родину семья вернулась в 1912 году и с этого времени никуда никогда не выезжала.

Отец — Окулич Владислав Юльянович, 1886 года рождения. По национальности белорус. Родился и проживал в Минске. Мать — Церлюкевич Меланья Александровна — 1888 года рождения, белоруска. Отец Иосифа как до революции, так и после работал котельщиком в Харькове, мать — домохозяйка. С 1931 по 1942 гг. до дня гибели во время блокады Ленинграда отец работал в Ленводпути в качестве мастера, мать по-прежнему была домохозяйкой.

В 1927 году окончил 7 классов 9-й железнодорожной школы города Гомеля.

Трудовая деятельность И.В. Окулича началась в 1927 году. С 1927 по 1929 гг. — в качестве грузчика товарной станции города Гомеля.

1930—1931 гг. — учеба в школе металлистов, по окончании которой был направлен для работы мастером-мон-

тажником бумажной фабрики «Красная заря» мест. Чашники, Витебской области БССР.

В ряды Советской армии призван очередным призывом 5 января 1932 года Чашницким райвоенкоматом той же области и направлен для прохождения службы в 6-й стрелковый полк 2-й Белорусской дивизии города Минска.

Службу в Советской армии начал в качестве рядового и в скором времени был переведен в оружейную мастерскую в качестве оружейного мастера. При мобилизации в военные училища был направлен в ноябре 1932 года в военную школу имени ВЦИК г. Москвы. По окончании школы приказом НКО было присвоено звание «лейтенант», и И.В. Окулич был направлен для дальнейшего прохождения службы в 144-й стрелковый полк 48-й стрелковой дивизии города Вышний Волочек Калининской области. В должности командира учебно-пулеметного взвода находился до марта 1938 года.

С марта 1938 по 3 июля 1938 года — 144-й стрелковый полк, 56-й стрелковой дивизии Ленинградско-

го военного округа города Остров, командир пулеметного взвода. С 3 июля 1938 по 4 октября 1939 года находился под следствием в городе Пскове. По освобождению из-под стражи приказом НКО от 31 октября 1939 года назначен на должность командира пулеметного взвода 255-го стрелкового полка, 123-й стрелковой дивизии ЛенВО. Участвовал в войне с Финляндией с первых дней. Был ранен. По возвращении из эвакогоспиталя отделом кадров ЛенВО назначен командиром пулеметной роты 272-й стрелкового полка 123-го ордена Ленина стрелковой дивизии на Карельском перешейке, в составе которого участвовал по день окончания войны с финнами.

С 1940 по 3 июля 1941 года находился на должностях 272-го стрелкового полка 123-й стрелковой дивизии от адъютанта старшего батальона до замкомандира батальона по строевой части. Приказом был откомандирован в распоряжение начальника отделения полка 118-й стрелковой дивизии — командиром стрелкового батальона. В составе этой части вступил в бой на территории Эстонской ССР, в районе Раквери. В боях за социалистическую родину 3 августа 1941 года был тяжело ранен, находился на лечении в госпитале города Ижевска. По выздоровлении командовал 27-м отдельным батальоном выздоравливающих г. Вологда Архангельского военного округа до полного выздоровления.

С декабря 1941 по 5 декабря 1942 года 1-й отдельный морской стрелковый батальон 67 морской стрелковой бригады — командир батальона. С 1942 по ноябрь 1944 года 118-й стрелковый полк 54-й стрелковой дивизии 26-й армии, Карельский фронт — командир стрелкового полка. По окончании военных действий с Финляндией, полк был переброшен в распоряжение командующего 31-й армией 3-го Белорусского фронта, где участвовал в боях по 23 января 1945 года в должности командира полка. По окончании военных действий с Финляндией полк был переброшен в распоряжение командующего 31 января 1945 года в должности командира полка.

С февраля по 4 мая 1945 года находился на лечении по случаю тяжелого ранения в ЭГ-1748 г. Рязани. По выздоровлении приказом НКО от 2 июля 1945 года пе-

редан в распоряжение министра Национальной обороны войска Польского.

С сентября 1945 по июль 1946 года — командующий округом внутренних войск государственной безопасности Лодзинского воеводства.

По личной просьбе и по состоянию здоровья вернулся из заграничной командировки в распоряжение ГУК НКО Советской армии г. Москвы.

В октябре 1946 года приказом Главнокомандующего сухопутными войсками назначен Старорусским районным военным комиссаром Новгородской области.

За боевые отличия награжден двумя орденами «Красное знамя». За выслугу лет награжден: орденом «Красное знамя», орденом «Красная звезда», медалями: «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «За оборону Советского Заполярья», «За взятие Кенигсберга» и «30 лет Советской армии и флота». Награжден польским орденом «Серебряный крест заслуги».

Член КПСС с июня 1942 года. Принят парткомиссией политотдела 67-й морской стрелковой бригады. Партийный билет № 4411935.

На моей тете, Хромовой Марии Павловне, Иосиф Владиславович женился в 1940 году. В 1947 году у них родился сын Николай, в 1949-м — дочь Татьяна. Это была замечательная семья. В своих детях Иосиф Владиславович души не чаял, старался находиться с ними как можно чаще.

Людмила Павловна ВОЕВОДСКАЯ

21 июня 1941 года я с мамой и двоюродной сестрой, которой было десять лет, поехала на каникулы к бабушке в Смоленскую область. И очень скоро, а точнее — в начале июля, мы попали в оккупацию, хотя, когда ехали туда, о начале войны даже не знали.

Мой папа, Павел Гильярович Воеводский, остался в Ленинграде. Как хороший специалист он получил бронь, но так как мы оказались в оккупации, он решил, что мы погибли, и в октябре 1941-го добровольно с Октябрьским народным ополчением ушел на фронт, где вскоре в боях за Ленинград пропал без вести. Многие годы я пыталась узнать, где он похоронен, но так и не смогла. Это был замечательный человек с непростой судьбой. Будучи сыном потомственного почетного гражданина, в возрасте 9 лет со старшей сестрой был выслан из Петербурга. Его родители и старшая сестра погибли в 1917 году. В 1937 году, благодаря своему начальнику, он избежал репрессии, что продлило его жизнь. С его гибелью в нашей семье все пошло не так...

Деревня, где жила моя бабушка, находилась в 35 км от Смоленска, у самого леса. Поэтому немцы, опасаясь партизан, в деревне бывали лишь наездами. Но зато полным ходом хозяйничали полицаи. У населения сразу же

забрали скот и продовольствие. Начался голод. Но у полицая Тита была корова. И староста (возможно, он был наш человек, так как долго жил в этом селе после войны) «прикрепил» меня к хозяевам коровы, чтобы я могла каждый день получать у них по пол-литра молока. Но в первый же день моего посещения я получила такую порцию отборного мата от жены полицая, что с ревом бежала домой. После этого мама сказала, что ходить за молоком не будем. И с тех пор и до 1945 года я молока даже не видела.

Зато насмотрелась других страстей. Как-то мы с мамой были в огороде у дома. К нам на коне подъехал полицай и спросил: «Где Тит?». Не задумываясь, мама ответила шуткой: «Тит пошел горох молотить» — и потом очень об этом пожалела. Полицай притащил нас к старосте. Помню, полумрачную комнату в его доме и маму, сидящую на табурете в центре комнаты. Я стояла, прижавшись к ней, ни жива ни мертва. А по комнате из угла в угол нервно ходил полицай и орал, требуя маму расстрелять. Спасибо старосте, сумел уговорить это чудовище, и он от нас отстал.

Так как наша деревня находилась около леса, то по ночам иногда приходили партизаны. Однажды од-

ному из них не удалось вовремя уйти в лес, и он на свою беду спрятался в сеном сарае матери полица. Та днем его обнаружила и выдала сыну. И тот поднял пулемет на крышу дома и стрелял, пока не убил партизана.

Однажды для устрашения жителей села немцы на большом дереве, что росло у дома соседей, повесили партизана и не разрешали снимать его 18 дней. Что могли испытывать женщины и дети?..

Году в 1943-м я чуть не лишилась своей двоюродной сестры. И если бы это произошло, было бы вдвойне ужасней, потому что умереть она могла из-за небрежности совсем молоденького партизана. Как-то в избе моей бабушки разместилась на отдых группа партизан. Дело было днем. Помню, я сидела у окна рядом с этим по сути мальчишкой. Он чистил ружье. В центре комнаты на табуретке сидела моя двоюродная сестра, вторая стояла у печки. И вдруг раздался выстрел. Пуля пронеслась по комнате и ушла в пол у ног моей сестры. Я в ужасе вылетела в сени и зарылась в солому. Это сработало ружье того самого партизана. Командир потом так кричал на парнишку!

Все время оккупации нас преследовали страх, голод, холод, вши. У меня не было обуви. С ранней весны до поздней осени я ходила босиком. Ели траву, крапиву, дикорастущий щавель, лепешки из гнилой картошки (их называли рвотниками). Не лучше было и после оккупации. С поля нельзя было принести ни колоска. За это грозило суровое наказание.

Помню, как-то одна женщина повела нас в лес за брусничкой. Мы долго собирали ее в свои бидончики,

так радовались возможности поесть и насобирать ягоды. Но подъехал на коне сотрудник НКВД, бранясь, высыпал на землю под копыта коня весь наш урожай и растоптал. Я до сих пор не понимаю, что это было...

Уже в ноябре 1943 года на сдачу в фонд Красной армии зерна и картофеля на каждый двор давалась разнарядка. Мама должна была сдать за октябрь и ноябрь 50 кг зерна, 193 кг картофеля. 10 февраля 1944 года она сдала для воинской части № 49929 101 кг картофе-

ля. Эти данные я обнаружила в мамином архиве. А как доставался этот картофель?! Коней и коров не было, и женщины впрягались в плуг и вспахивали огороды по очереди друг другу. Вот и пришлось нашей бабушке, чтобы спасти нас от голода, ходить за многие километры от дома «по хотьбе», то есть просить хлеба у людей. И если удавалось ей принести хоть немного корочек или кусочков, то для нас, детей, это была большая радость. Насколько это неприятно и унижительно — ходить и просить хлеб, я испытала на себе, когда с двумя девочками постарше отправилась в соседнюю деревню. Никто нам хлеба так и не дал, у них самих-то, видимо, ничего не было. Деревня смоленская еще долго не могла оправиться от разрухи и ужаса, которые выпали на ее долю.

В сентябре 1944-го, находясь все еще у бабушки, я пошла в 1-й класс. Школа была в четырех километрах от деревни. И так как не было обуви и теплой одежды, ее мне пришлось бросить. Разутая я еще долго ходила.

В 1944 году мою маму и свою дочь, мою двоюродную сестру, вызвала в Ленинград тетя. Мама вернулась домой, можно сказать, на пепелище. Обе наши светлые комнаты были заняты новыми жильцами. Мебель, утварь, книги, вещи пропали. С трудом маме удалось получить комнату окнами во двор-колодец. Стол, подростковую кровать, кушетку дали соседи. За мной мама приехала в августе 1945 года. Четверо

суток мы добирались до Ленинграда: сначала пешком до Смоленска, потом на поезде с пересадками в Рудне, Витебске, Невеле, Дно. И на каждой станции нужно было «биться», чтобы ехать дальше.

Первое время, пока мама не купила мне ботинки, в Ленинграде я никуда не ходила. Однажды мы с мамой решили пойти в баню на проспекте Майорова. Она ушла раньше, чтобы занять очередь. А я прибежала потом. Я была босая, и вся очередь, когда увидела меня в таком виде, сильно возмущалась... Жилось нам непросто. Мама работала проводником на грузовых трамваях. Пенсию на меня как дочери рядового красноармейца получала по самому низкому пределу. Чтобы как-то жить и помогать бабушке, тете и племянникам, маме приходилось, помимо основной работы, стирать белье и одежду двум состоятельным семьям, жившим в нашем доме. Помню эту прачечную на заднем дворе нашего дома: пар, ничего не видно, под ногами деревянные мостки, под ними хлюпает вода. Все десять лет, пока я училась в школе, у нас постоянно жили «угловые» жильцы (то офицер с семьей, то две студентки). Жили мы очень бедно. Я не знала, что такое сливочное масло и фрукты. В кино с одноклассницами ходить не могла, на это не было денег. На каникулы ездила опять в ту же разоренную Смоленщину.

И, несмотря на все трудности, мама помогла получить специальности своим племянникам-сиротам. Я закончила десять классов и техникум. Работала начальником смены и инженером по ремонту оборудования в управлении Ленэнерго.

Одесса, 1964 г.

Давид Ефимович ГОЛЬДМАН

И на Тихом океане свой закончили поход...

Давид Ефимович родился 1 августа 1921 года в Одессе в семье служащих. Отец был инженером, а мать врачом. После окончания школы с золотой медалью в райкоме комсомола ему предложили поступать в военное артиллерийское училище, как говорится, «по комсомольской путевке». Однако он от предложения отказался и твердо решил поступать в военно-морское училище. В сентябре 1939 года Давид становится курсантом Высшего военно-морского ордена Ленина инженерного училища имени Ф.Э. Дзержинского в Ленинграде.

30 ноября 1939 года началась советско-финская война. В Ленинграде вводят затемнение освещения. С началом боевых действий на Карельском перешейке курсантов 1 курса училища привлекают для строительства укреплений и оборонительных сооружений, а также для охраны военных складов. «Морозы стояли страшные, до минус 42 градусов, а мы в одних бушлатах», — вспоминает ветеран. Тогда-то он и получил обморожение пальцев рук и ног.

Но ничего, все обошлось. 12 марта 1940 года был подписан мирный договор между Советским Сою-

зом и Финляндией о прекращении военных действий обеими сторонами в 12 часов по ленинградскому времени. После окончания войны возобновилась учеба в училище, которая была прервана одним интересным событием. В 1940 году курсант Д.Е. Гольдман участвовал в параде войск на Красной площади, посвященном празднованию очередной годовщины Октябрьской революции. Это был последний предвоенный год.

Когда началась Великая Отечественная война, Давид Ефимович учился на втором курсе, а окончил училище с отличием в 1944 году. Однако в годы войны курсантов часто направляли на стажировку на боевые корабли, участвовавшие в боевых действиях.

Свою первую боевую награду — медаль «За отвагу» — он получил в феврале 1942 года за участие в потоплении немецкого миноносца, будучи членом экипажа подводной лодки Щ-207 Черноморского флота.

Часть подводных лодок Черноморского флота стояла на позициях с целью перехвата караванов судов противника, следовавших через пролив Босфор в болгарские порты Бургас и Варна. Их главной целью были транспортные суда, перевозившие вооружение и военную технику для Восточного фронта. В тот февральский день транспортные суда шли в сопровождении сильного конвоя миноносцев и охотников за подводными лодками. Подводная лодка Щ-207 атаковала и потопила миноносец конвоя, после чего подверглась сильной бомбардировке противника. Миноносцы и охотники фашистов сбросили на нее около сотни глубинных бомб.

Лодка до утра пролежала на грунте на глубине 85 метров. Была повреждена часть приборов и ламп освеще-

щения. Запрещалось перемещаться по лодке и шуметь. Было очень холодно. Очевидно, фашисты решили, что уничтожили лодку, и ушли. И все же экипажу повезло — серьезных повреждений лодка не получила. Утром лодка всплыла и успешно дошла до базы.

В 1943 году Давид Ефимович участвовал в боевых походах уже на другой подводной лодке Черноморского флота — Щ-216.

В 1944 году из румынского порта Констанца наши моряки перебазировали две трофейные подводные лодки в Севастополь. Они получили наименование ТС-1 и ТС-2. Командиром электромеханической группы на лодке ТС-2 был назначен лейтенант Д.Е. Гольдман.

В январе 1945 года с группой моряков Давид Ефимович отправляется в США, где в портах Аляски они получали военные корабли для нашего флота по лендлизу. В последующем он был назначен на тральщик Т-97, полученный от США, командиром БЧ-5. На этом же корабле наш ветеран встретил начало войны с Японией.

8 августа 1945 года Правительство Советского Союза выступило с заявлением о своем присоединении к Потсдамской декларации и о вступлении в войну с Японией. В этот же день наша эскадра, в состав которой входил тральщик Т-97, находившаяся в Японском море, была атакована японскими подводными лодками. Потом со своим тральщиком Гольдман участвовал в высадке морского десанта на Курильские острова и остров Сахалин. Неоднократно тральщик участво-

вал в установке минных заграждений на подходах к Владивостоку и другим нашим портам.

Войну Давид Ефимович закончил во Владивостоке, после чего проходил военную службу в различных должностях: дивизионного инженера-механика; флагманского инженера-механика бригады траления; флагманского инженера-механика дивизии кораблей охраны водного района Военно-морской базы.

В 1957 году Давида Ефимовича переводят на Черноморский флот в город Одессу на должность флагманского инженера-механика Одесской военно-морской базы.

За годы войны и службы Давид Ефимович был награжден многими государственными наградами, а именно тремя орденами и 21 медалью. В их числе такие награды как: орден Отечественной войны II-й степени; два ордена Красной Звезды; медаль «За отвагу»; медаль Ушакова; медаль «За боевые заслуги»; медаль «За оборону Кавказа»; медаль «За Победу над Германией»; медаль «За победу над Японией» и другие.

В 1966 году Д.Е. Гольдман увольняется с флота. После увольнения он еще 25 лет проработал в морском проектом институте «ЛенморНИИпроект» в должности руководителя проектной группы.

С 1969 года ветеран Великой Отечественной войны капитан 1 ранга Гольдман Давид Ефимович проживает со своей супругой Ларисой Дмитриевной в доме 79 по Кондратьевскому проспекту. Они воспитали сына, а еще у них есть внучка и правнучка.

Елена Алексеевна ШЕРШОВА о своей матери Анне Васильевне ДАШКЕВИЧ

Весной 2013 года я потеряла самого родного, близкого человека — свою маму. До мелочей помню день, когда отправили ее в больницу для блокадников на ул. Старорусской, д. 43. В девять утра, когда ее увозили на такси, остановился её любимый будильник. У мамы было хорошее настроение, чувствовала она себя нормально. В четыре часа маме стало плохо, её увезли в реанимацию, но нам об этом не сообщили. Через день я приехала ее навестить, но доктор к ней не пустил, а вечером позвонили из больницы и сообщили, что мама умерла.

Будильник и календарь я буду хранить как память о последнем дне, когда она была дома. При жизни я редко говорила маме, как люблю ее. Теперь очень сожалею об этом и хочу написать в этой книге о маме.

Моя мама, Дашкевич Анна Васильевна, родилась в 1918 году 6 августа в Белоруссии, в деревне Монастырь Чашницкого района Витебской области. В её семье было 11 детей. Отец — Василий Харитонович, мать — Евгения Александровна. Мама окончила четыре класса сельской школы. Помогала родителям по хозяйству. Затем в 1934 году

Архив РИА Новости. #348
Фото: Всеволод Тарасевич | 01.01.1942

устроилась на льнокомбинат рабочей. В 1935—1937 гг. семья вступила в колхоз. До этого времени было очень трудно, голодно.

В мае 1938 года мама приехала в Ленинград. Здесь уже жили братья и сестры, которые уехали из деревни раньше. Четыре месяца она была в няньках у брата Василия, помогала воспитывать свою племянницу. Параллельно родственники искали ей работу с пропиской. В 1938 году поступила на работу на III ГЭС в военизированную охрану. Через год перевелась в машинный цех помощницей машиниста на насосах. Жила в общежитии.

22 июня 1941 года началась война. Накануне от работы мама на теплоходе отправилась на экскурсию в Выборг. Сначала доплыли до Кронштадта, там опустили якорь, а через три часа поплыли дальше. В Выборг прибыли утром и сразу отправились осматривать город. В конце экскурсии экскурсовод объявил, что началась война. Люди вернулись на пристань и стали ждать отправления. Всем выдали спасательные круги. На обратном пути теплоход сопровождали четыре само-

лета до самого Ленинграда, раздавались взрывы и выстрелы. Не успели вернуться в общежитие, как объявили воздушную тревогу, и всем пришлось бежать в бомбоубежище.

Парней с ГЭС забрали на войну, а девочкам приходилось заменять их на рабочих местах. К тому же девушки занимались гражданской обороной (учились перевязывать раненых). Немцы постоянно бомбили ГЭС. В сентябре 1941 года разбомбили продовольственный склад им. Бадаева. Начался голод, выдавали карточки, по которым получали 500 г хлеба в день и другие продукты. В ноябре от голода люди стали умирать; по словам мамы, в первую очередь — мужчины. Через некоторое время мама ослабла, стала худеть, падать от голода. Норму хлеба убавили до 250 г в день, других продуктов не было.

Мама хотела эвакуироваться 21 марта 1942 года от работы, но директор её не отпустил. Вместо себя она отправила в эвакуацию своего брата с семьей. А на следующий день в общежитии от голода потеряла сознание. На носилках ее отнесли в стационар с усиленным питанием и оставили на десять дней. У мамы была дистрофия.

После лечения мама вернулась в общежитие, у нее по-прежнему сил было мало, и она попросила подругу отвести её к своей тёте, которая жила недалеко. У тётки Крести она прожила два месяца. Маму навещала её сестра, она приносила ей продукты по карточке. Норма продуктов в апреле стала больше.

Мать немного окрепла и вышла на работу. В начале июня 1942 г. её отправили на оборонные работы. Строили оборону Ленинграда, рыли окопы. Потом были работы за городом, в лесу, в воинской части, в полку. Стирала белье, валила лес, сколачивала щиты для переправы орудий, танков. Там она пробыла до декабря. 18 января 1943 года наши войска пошли в наступление на немцев. Мать переправили в Агалатово, там они были на подсобном хозяйстве. В апреле она уже трудилась в Валоярви, выращивала овощи для Ленинградского фронта. Там она проработала до 1945 года. 27 января блокада Ленинграда была снята. Жить стало легче.

В апреле 1945 года маму с другими девушками отправили в Молдавию за скотом. В вагонах, не при-

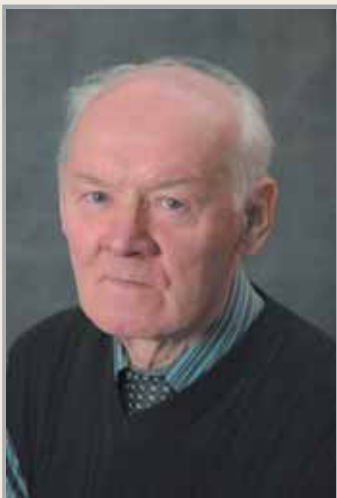
способленных для людей, ехали голодные, мерзнущие молодые девчонки. Проезжали Украину, Бессарабию. Мама говорила, что к ленинградцам везде относились хорошо, предоставляли жилье, кормили; только в Западной Украине бандеровцы ненавидели русских. Из Молдавии девушки везли бычков и коров в Ленинград. Много всяких приключений было в дороге.

9 мая 1945 года — незабываемый день. Все обнимались, целовались, радовались победе.

Моя мама была награждена медалями:

- «За оборону Ленинграда»;
- «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»;
- «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»;
- «В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады»;
- «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».
- «В честь 65-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады»;
- «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»;
- «В память 300-летия Санкт-Петербурга»;
- «90 лет Советским Вооруженным силам».

Альберт Федорович ИЗМАЙЛОВ

РОДНАЯ ЛАДОГА

Теплоход пришел в Кобону на рассвете. Монотонный рокот судового двигателя неожиданно сменила тишина. Слышно было только дыхание Ладоги. Ветер доносил запахи тленных водорослей и древесной смолы.

Я был уже здесь в далеком военном детстве, видел эти приземистые дома с окнами на воду, серокаменную церковь и убегающую за околицу дорогу, по которой шли тогда к Ладоге в Ленинград машины с хлебом.

Вот в этом деревянном доме, на котором висела фанерная досочка с надписью «Эвакопункт», где и сейчас еще осталось в стене маленькое оконце, мы получали хлеб. А там, за озером, на земле окруженного врагом города, остались близкие мне люди. Помню, как шлагбаум у кинотеатра «Звездочка» пропустил нашу полуполторку, и она медленно покатила по Рябовскому шоссе. Этот путь по апрельской размокшей колее был нелегок. Сердито урча, подвывая на подъемах, полуполторка шла к Ладоге. К озеру мы подъехали в темноте. Ледовая дорога была по колесам покрыта талой водой. Разбрызгивая её, машина словно плыла по узкому коридору. Все, кто был в кузове,

с опаской поглядывали в серое небо, откуда в любую минуту могли вынырнуть «мессеры», поливающие всё огнём вокруг.

Тогда, в Кобоне, на ладожском берегу, с самого бесценного дара — ломтя хлеба, начиналась для эвакуированных ленинградцев Большая земля. Нас, мальчишек и девчонок блокадного Ленинграда, спасли чуткие руки мужчин и женщин Урала и Казахстана, Киргизии и Армении, Владимирщины и Вологодчины. Это всегда в нашей памяти.

Холодный ветер несет на палубы и надстройки приткнувшихся к невскому берегу судов колючий снег. Яркими звездами вспыхивают его кристаллики на палубе буксира «Арзамас», стоящего на зимнем приколе.

Если бы суда могли рассказывать!

Буксирный пароход «Арзамас» более семи десятков лет тому назад работал на ладожской Дороге жизни бок о бок со многими своими боевыми товарищами — буксирными пароходами «Орел», «Морской лев», «Буй»...

На капитанском мостике «Арзамаса» в 1942 году стоял И.А. Никифоров. Голод давал о себе знать. Капитан стал плохо видеть. У штурвала его часто подменяла дочь Настя, матрос. В один из штормовых сентябрьских дней от причала оторвало баржу и понесло в озеро, к вражескому берегу. С большим трудом «Арзамасу» удалось догнать её, но крутая ладожская волна не позволила подать трос. В это время с вражеского берега заметили пароход. Враг открыл минометный огонь. Шкиперу все же удалось зачалить баржу, и пароход вместе с ней вышел из зоны обстрела. Груз, так необходимый осажденному городу, был доставлен.

Этот рейс по сложности немногим отличался от десятков других. Вся страна помогала Ленинграду выстоять и победить. Из Москвы и с Урала, с берегов Северной Двины, Камы, Волги и других рек шли грузы, самым драгоценным из которых был хлеб. Это о нём писал поэт:

*Не зря старушка
в булочной одной
Поправила беседовавших
с нею:*

*«Хлеб, милые, не черный.
Он — ржаной,
Он ладожский, он белого
белее...»*

Моряки военной Ладоги работали и воевали. Однажды ноябрьской ночью 1942 года «Арзамас» с двумя баржами вышел из Кобоны в Осиновец. На полпути караван атаковали фашистские самолеты. Упал у штурвала капитан Никифоров. Тяжелые ранения получили почти все члены экипажа. Машинное отделение заливало водой. В пробитую осколками штурвальную рубку поднялась Настя Никифорова. У её ног лежал раненый отец.

Фашисты продолжали обстреливать пароход. Надо было спасти судно. Настя встала к штурвалу и повела судно к берегу. Изрешеченный пулями и осколками, искалеченный «Арзамас» всё же дотянул до Осиновца. Здесь раненых сдали в госпиталь. Однако выжили не все. Боевой ладожский капитан И.А. Никифоров умер.

Одна из ленинградских газет в ноябре 1942 года писала: «Ладога живет для Ленинграда, для него несут вахту капитаны и шкиперы. И когда мы после победы будем отмечать места памятных боев, то вместе с Пулковскими высотами увековечим и ладожские берега и, как о командирах-героях, сложим песни и о ладожских капитанах».

Прошли годы. На ладожских и невских берегах поднялись монументы и обелиски. Проходя мимо них, моряки и речники салютуют светлой памяти капитанов и матросов, шкиперов и портовиков — всех, кто в годы войны работал и воевал на ладожской Дороге жизни.

Есть песни, которые поют и те, кому семьдесят, и те, кому двадцать.

Эх, Ладога, родная Ладога...

А слагали эту песню в годы войны на берегах Ладоги. Декабрь 1942-го. Позади первая блокадная зима. На Ладоге тонкий ледовый покров, едва выдерживающий тяжесть человека. Навигация закончилась. Ледовая трасса еще не начала действовать. Все с нетерпением ждут холодов. В землянках по вечерам слышны песни. Поют о летчиках, моряках, о синем пла-точке. А о Ладоге — нет.

Советские солдаты разгружают баржу с мукой в ладожском порту Осиновец. Лето 1942 г.

— Неужели ладожане — шоферы, речники, грузчики, связисты — не заслужили этого? — задал однажды себе вопрос Петр Леонидович Богданов, военком 526-й отдельной фронтовой роты связи. Надо во что бы то ни стало написать песню. Она необходима сейчас, как хлеб.

И вот в лесу возле деревни Бор под Кобоной сложились первые строки:

*Сквозь шторм и бури, через
все преграды,
Ты, песнь о Ладоге, лети!
Дорога здесь пробита сквозь
блокаду,
Родней дороги не найти!*

В землянке из угла в угол ходит человек, сочиняя новые и новые строки. А в это время в другой землян-

ке старшина Павел Краубнер и сержант Лев Шенберг с гитарой и мандолиной в руках подбирают мелодию к словам. Изредка они заглядывают в землянку Петра Леонидовича. Все трое пробуют песню на слух.

И вот в клубной землянке декабрьским вечером впервые грянуло мощное, как штормовая ладожская волна:

*Эх, Ладога, родная Ладога,
Метели, штормы, грозная волна...
Недаром Ладога родная
«Дорогой жизни» названа.*

В красноармейской газете «Фронтовой дорожник» был напечатан текст «Песни о Ладоге». Её запели буквально все. И шоферы, и грузчики, и девушки-регулировщицы.

Петр Леонидович Богданов был свидетелем такой картины. Играл духовой оркестр. Сотни грузчиков, не прерывая работы, поют:

*Пусть ветер Ладоги поведует
народу,
Как летом баржу за баржой
Грузили мы и в шторм, и
в непогоду,
Забыв про отдых и покой...*

Внезапно в небе появились фашистские самолеты. Грохот от разрывов бомб, треск пулеметов. Когда налет окончился, работа продолжалась. Никакие бомбы и пули не могли убить песню. В неё стреляли, обжигал её лютый мороз. Но песня жила. Снова гремел оркестр, снова сотни голосов пели:

*Зимой машины мчались
вереницей,
И лед на Ладоге трещал,
Везли мы хлеб для северной столицы.
И радостно нас Ленинград
встречал.*

Радостно звучала песня в дни прорыва и снятия блокады. Фронт покатился на запад. Вместе с ним летела песня.

Там, где у обрывистого ладожского берега дорога делает поворот, на бетонной площадке навсегда

остались следы протекторов военной полуторки. Машина не стала сворачивать. Водитель осторожно повел её вниз к озеру. Тревожно потрескивал под колесами молодой озерный лед. Машина шла вперед. За ней двигалось несколько десятков полуторатонных грузовиков.

Это было 22 ноября 1941 года.

Еще боролись с ладожским льдом буксирные пароходы, совершая последние рейсы между Осиновцем и Новой Ладогой. А в это время от западного берега к восточному уже протянулась широкая колея. Это был первый след автомобильной колонны.

Ледовая трасса Кокорево — Остров Зеленец — Кобона вступила в строй.

Около пяти месяцев работала ледовая дорога в первую блокадную зиму. Много продовольственных и других грузов за это время было перевезено с Большой земли в Ленинград.

Однажды колонна грузовых машин шла в Осиновец. В кузовах — ржаная мука. На пятнадцатом километре головная машина вместе с шофером внезапно ушла под лёд. Когда ехавшие следом водители подбежали к полынье, они увидели лишь тусклый электрический свет, слабо пробивавшийся сквозь толщу воды: шофер в последнюю минуту успел включить фары.

Может быть, след именно этой полуторки навсегда остался на бетонной площадке у Вагановского спуска. Теперь тут памятная стела. На ней строки поэта Бронислава Кежуна:

*Потомок, знай! В суровые года,
Верны народу, долгу и Отчизне,
Через торосы ладожского льда
Отсюда мы вели «Дорогу жизни»,
Чтоб жизнь не умирала никогда.*

Ладожская волна тревожно билась о борта теплоходов, на которых находились участники Всесоюзного слета победителей походов по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Юные пассажиры знали, что многие из членов экипажей судов воевали на Ладоге. Услышать теперь их рассказы о героическом прошлом было волнующим событием. Казалось, притихшая Ладога внимательно

слушала усиленный динамиком голос: «Сегодня мы возвращаемся в годы, полные горя, гнева и подвигов, чтобы снова отдать дань памяти павшим, дань восхищения живым, чтобы лучше понять себя и время...».

В безмолвном строю стоят на палубах участники слёта, приспущены кормовые флаги.

Над тем местом, где работали, жили и воевали ладожане грозных лет, звучат слова: «Взгляни на волны былинной Ладоги. Ты видишь эти волны. Они поют о героях Ладоги. О летчиках, шоферах, зенитчиках, речниках...».

С военных кораблей звучат залпы памятного салюта. Опускаются на воду венки с алыми лентами: «Героям Ладоги, павшим за Ленинград, — от участников Всесоюзного слёта...».

Когда теплоход подходит к тому месту, где начинается Нева, стоявшие на корме парни и девчата крикнули: «Спасибо, Ладога!».

Кто-то взял в руки гитару. Зазвучала песня:

*Ягодой-брусникой в серый
вереск
Между пальцев капала вода,
Умидали парни, в смерть
не веря,
Билась в плаче Ладоги вода.
Ладога, Ладога,
Клич лебедей
Надobelисками огненных дней...*

За кормой оставалась бескрайняя водная ширь, проплывала мимо крепость Орешек, а впереди выросал город, которому жить вечно.

Анатолий Станиславович КРУКОВСКИЙ

КАК УЧИЛИСЬ ВЕТЕРАНЫ

В год 70-летия Великой Победы советского народа в самой жестокой и кровопролитной войне считаем совершенно необходимым изложить основные этапы жизни и деятельности уникального человека, почетного члена Российской академии ракетных и артиллерийских наук, действительного члена Академии военных наук, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, почетного профессора Михайловской военной артиллерийской академии (МВАА), доктора технических наук, профессора, участника Сталинградской, Курской битв и парада Победы в 1945 году генерал-майора в отставке Круковского Анатолия Станиславовича, отдавшего служению «Богу войны» — артиллерии 78 лет и по сей день скромно исполняющего свои обязанности в коллективе кафедры стрельбы и управления ракетными ударами и огнем артиллерии МВАА, чьи дела стали легендой ещё в начале его жизненного пути.

20 сентября 1922 года в простой белорусской семье в с. Осов Гомельской области родился мальчик Толя. Вскоре родители переехали в Ленинград. В 1937 году

Анатолий успешно окончил 7 классов общеобразовательной школы. Ветеран вспоминает: «На этом этапе фактически окончилась моя гражданская жизнь. В воздухе витал запах войны». Страна готовилась к ней очень серьёзно. По приказу И.В. Сталина в 1937 году в стране открылось двадцать артиллерийских, десять военно-морских и пять авиационных специальных школ. В эти школы принимали здоровых, физически крепких ребят, окончивших 7 классов без троек. Среди зачисленных в артиллерийскую спецшколу оказался и Анатолий.

Программа подготовки будущих артиллеристов включала основную тематику программ обучения в артиллерийских училищах. Летние и зимние полевые выходы со спецшкольниками проводили на Лужском артиллерийском полигоне. «Мы обслуживали проведение стрельб курсантами артиллерийских училищ. Работали орудийными номерами, заряжающими, установщиками, а к окончанию школы — наводчиками, командирами орудий и даже огневых взводов», — рассказывает Анатолий Станиславович. Каждый спецшкольник во взводах управления получал практические навыки разведчиков, топографов и метеорологов.

Артиллерийскую спецшколу Анатолий Круковский окончил в 1940 году с золотой медалью и без сдачи вступительных экзаменов был зачислен в 3-е ЛАУ. Это училище размещалось на территории МВАА.

Окончил училище 21 июля 1941 года по первому разряду в звании «лейтенант» и в свои неполные 19 лет назначен начальником разведки артиллерийского дивизиона 12-й танковой дивизии, которая вела тяжелые оборонительные бои на Юго-западном фронте.

Анатолий Станиславович с болью рассказывает, как было трудно. Дивизия не раз оказывалась в тылу наступающих фашистских войск, её части неоднократно попадали в окружение, из которого приходилось пробиваться с боями. Пришлось сдать врагу Днепропетровск, а с восточного берега Днепра уйти, оставив предварительно выведенную из строя материальную часть дивизиона.

«Фронт тогда не имел сплошной линии, и можно было предположить, что оставленные орудия ни-

куда не делись, но я получил приказ взять своих разведчиков и проверить, так ли это, — рассказывает Анатолий Станиславович. — 11 сентября, глухая ночь. Убедившись, что орудия на месте, мы, шесть человек, осторожно двинулись назад и вдруг столкнулись лоб в лоб с такой же группой немцев. Вот здесь и пригодился мой первый разряд по боксу, но один из фашистов успел выхватить автомат и буквально прошел меня. Я все же сумел отправить его к праотцам, но идти из-за ран уже не мог. На фронте очень важно быть для бойцов хорошим командиром, чтобы уважали, верили. Я старался этому соответствовать, и меня не бросили. Вынесли, хотя пришлось к своим пробиваться с боем».

После трех месяцев госпиталя снова Юго-западный фронт. В 20 лет Анатолий был назначен на должность заместителя командира артиллерийской батареи 102-й отдельной стрелковой бригады. Бригада вела тяжелые бои. В течение первой половины 1942 года обороняла Ростов и участвовала в кровопролитных боях на рубеже реки Миус. К марту 1942 года обескровленная 102-я отдельная стрелковая бригада вошла в состав 192-й стрелковой дивизии 62-й армии, которой командовал генерал В.И. Чуйков. А.С. Круковский был назначен командиром полковой артиллерийской батареи 76-мм пушек.

17 июля 1942 года началась Сталинградская битва, которая длилась 200 дней. А.С. Круковский участвовал в боях на передовой от первого до последнего выстрела.

Генерал Круковский вспоминает: «Наша дивизия находилась у излучины Дона в 150 километрах от города, у Верхней Бузиновки. Моя батарея поддерживала один из отрядов передового охранения 192-й стрелковой дивизии. Батарея хорошо замаскировалась, четко организовала систему огня и взаимодействие с пехотой. Фашисты в этот период, в предвкушении лёгкой победы, совершенно обнаглели. Авиация противника господствовала в воздухе. Рано утром на горизонте фашистские танки шли к Сталинграду на большой скорости без всякой предосторожности (авиации тогда у нас было мало) и нарвались на находившуюся в засаде нашу батарею. В этот раз немцы жестоко поплатились за свою беспечность: наша батарея сожгла все 10 немецких

танков и семь машин с пехотой. Наша пехота окончательно завершила разгром немецкой колонны. Потерь у нас в этот день вообще не было».

А потом началась настоящая мясорубка. 28 дней дивизия, в которой служил Круковский, героически сдерживала жесточайший натиск фашистов под постоянными бомбежками, артобстрелом, натиском танков с приказом «Ни шагу назад!». В конце концов, 15 августа дивизия была разбита. Круковский во время последнего боя вместе с шестью подчиненными (это все, что осталось от его батареи из 60 человек) охранял штаб дивизии. Но что могла противопоставить горстка измотанных людей, у которых не было артиллерийских орудий, наступающим на них танкам?

«Танк всадил снаряд в мою группу, — глухо говорит Анатолий Станиславович. — Все мои ребята погибли, а я был ранен и потерял сознание. Очнулся через несколько часов, а перед глазами в полуметре от меня две пары коротких сапог. В таких сапогах ходили немцы, и я понял, что надо затаиться, не подавать признаков жизни. К счастью, немцы решили, что выживших не осталось. Я оказался завален телами погибших, был весь в крови. Когда фашисты ушли, я выполз из-под

тел и добрался до оврага. А там ко мне примкнуло еще пять выживших солдат из пехоты. Я тогда был старшим лейтенантом, выше всех по званию. Они меня спрашивают: “Ну что будем делать, старшой?”. Я говорю: “Надо пробиваться к своим!”. Так вокруг меня образовалась маленькая группа уцелевших. Мы при этом оказались в глубоком тылу врага, поскольку немцы рванули к Сталинграду и к исходу дня продвинулись уже на 50 километров».

Однако путь к своим стал невероятным испытанием. Круковский был тогда серьезно ранен, потерял много крови. И в таком состоянии, с двумя осколками в груди, Анатолий Станиславович за семь дней прошел 100 километров и благополучно вывел остальных выживших в расположение советских войск.

«Наверное, помогла боксерская закваска, — рассуждает ветеран. — Я ведь до войны был боксером первого разряда. Остальные бойцы тоже были ранены — кто в плечо, кто в руку. Но шли, не жаловались. И я шел. Потом мы оказались в медсанбате, там из меня вытащили один осколок, а второй не нашли — врачи не стали глубоко копаться в груди,

некогда было. А через три дня я вернулся на фронт, хоть и продолжал кашлять кровью. Все раненые, находившиеся в медсанбате и способные держать в руках оружие, рвались на передовую». Анатолий Станиславович Круковский снова был назначен командовать противотанковой батареей, но уже в другой дивизии.

Атаки немецких танков следовали одна за другой, но противотанковая артиллерия уверенно уничтожала врага. После выхода из строя последнего орудия батареи старший лейтенант Круковский был назначен командиром батареи 122-мм гаубиц в 343-й стрелковой дивизии Сталинградского фронта. Его батарея постоянно находилась в боевых порядках батальонов первого эшелона, участвовала в контрнаступлении наших войск под Сталинградом 19 ноября 1942 года.

Рота, которую поддерживала батарея старшего лейтенанта Круковского, атаковала противника, захватила первую траншею, но была выбита немцами. Обрато в окопы вернулось около десятка бойцов. Командир батареи А.С. Круковский в этот день сам возглавил атаку пехоты совместно с батареями. Начавший этот бой в должности командира батареи к исходу дня старший лейтенант Круковский был назначен заместителем командира дивизиона, а через месяц 20-летний старший лейтенант стал командиром артиллерийского дивизиона. В этой должности он воевал до конца Сталинградской битвы (до 2 февраля 1943 года).

Под Сталинградом был награжден боевыми наградами — орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда».

Затем, уже гвардии капитаном, Анатолий Круковский командовал этим же дивизионом в дивизии, ставшей гвардейской и получившей 97-й номер, в Курской битве. В танковом сражении под Прохоровкой на Курской дуге он получил приказ прикрыть от возможного прорыва немецких танков командный пункт 5-й гвардейской армии: 30 «тигров» и всего двенадцать 76-мм пушек. Лобовая броня «тигра» для этого снаряда непробиваема, снаряды отскакивают от неё, как «горох от стенки», поэтому расчетам орудий приходилось забрасывать танки связками гранат. Одна из батарей огнем с фланга по бортовой

броню стала жечь фашистские танки. Немецкие танкисты не выдержали и отступили. Было подбито 17 танков, потеряно 7 орудий и почти половина личного состава. За эту битву гвардии капитан Круковский был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

За несколько дней до окончания Курской битвы вышла Директива Верховного Главнокомандующего, согласно которой надлежало отправить в тыл на учебу одного артиллериста, который имел бы 10 классов, законченное артиллерийское училище, двухгодичный боевой опыт и занимал бы должность не ниже командира дивизиона. В 97-й гвардейской дивизии оказался только один человек, отвечавший указанным требованиям. Это был гвардии капитан Круковский А.С., которого по этой причине неожиданно для него старшие начальники выхватили из самого пекла и отправили в глубокий тыл на учебу в академию.

Был август 1943 года. Анатолий Круковский прошел большой конкурс и с 1 сентября 1943 года был зачислен слушателем командного факультета наземной артиллерии Артиллерийской академии. Для гвардии капитана Анатолия Станиславовича Круковского война оказалась оконченной. Практически все слушатели командного факультета были фронтовиками, командирами дивизионов и полков. Следует отметить, что этих офицеров, имеющих большой боевой опыт, учили 4,5 года. По программе академии тех лет на изучение стрельбы и управления огнем артиллерии отводилось более 1000 часов учебного времени. Серьезное внимание уделялось и изучению общеобразовательных дисциплин: только на изучение математики отводилось более 500 часов.

Вместе с другими героями-фронтовиками 24 июля 1945 года Анатолий Станиславович принимал участие в параде Победы на Красной площади. Скажем больше. Генерал-майор Круковский представлял Петербург на праздновании 65-летия Победы в Москве.

В 1947 году гвардии майор А.С. Круковский с отличием окончил артиллерийскую академию и с тех пор с большим энтузиазмом, энергией и самоотдачей занимается научно-педагогической деятельностью. На занятиях со

слушателями он делится боевым опытом, полученным в годы Великой Отечественной войны.

После окончания академии вдумчивый слушатель, опытный боевой офицер-артиллерист получил назначение в Высшую офицерскую штабную школу в город Коломну. Здесь преподаватель, а затем старший преподаватель Круковский с 1947 по 1953 гг. передавал свой боевой опыт молодым артиллеристам. В 1953 году Анатолий Станиславович как преподаватель, склонный к научно-исследовательской работе и имеющий незаурядные способности, был переведен в 1-й Научно-исследовательский артиллерийский институт, где в течение трех лет работал научным и старшим научным сотрудником. В 1955 году поступил в адъюнктуру. Без отрыва от службы и без официального разрешения командования заочно учился на математико-механическом факультете Ленинградского государственного университета и успешно окончил его в 1960 году.

В 1958 году, после защиты диссертации, в которой впервые в сухопутных войсках было представлено математическое описание группового боя противотанковых средств с танками противника (что за бой, А.С. Круковский знает по личному опыту), Анатолий Станиславович стал членом диссертационного совета академии. Он по сей день активный член всех диссертационных советов. В этом он чемпион в РВиА (ракетных войсках и артиллерии). Равных ему нет.

В 1960 году под руководством полковника Круковского была сформирована специальная научно-исследовательская лаборатория при Артиллерийской академии. Назначенный в возрасте 38 лет на генеральскую должность начальника лаборатории Анатолий Станиславович вплоть до 1967 года лично руководил разработкой всех уставных документов для ракетных войск и артиллерии по вопросам управления ракетными ударами и огнем артиллерии, разработал основы автоматизации управления РВиА.

Из 57 лет работы в академии – 25 лет он проработал на общественных началах в экспертном совете ВАК. Ни один ученый в РВиА не может похвастать таким стажем.

Анатолий Станиславович Круковский создал свою научную школу. Им подготовлено 10 докторов наук

и более 70 кандидатов наук, написано более 150 научных трудов. Он автор и соавтор двух монографий, семи учебников и 27 учебных пособий для РВиА.

С 1967 по 1984 гг. — начальник кафедры стрельбы и управления огнем артиллерии ВАА им. Калинина. Кафедра принимала активное участие в разработке теоретических основ ядерного и огневого поражения противника, разработке наставлений и Правил стрельбы и управления огнем и других основополагающих и руководящих документов для РВиА, с учетом опыта преподавателей, участвовавших во всех боевых действиях в этот период.

В 1967 году по инициативе А.С. Круковского командование РВиА приняло решение о создании кафедры автоматизации управления РВиА. Он и по сей день тесно взаимодействует с фактически созданной им кафедрой.

В 1983 году генерал-майор Круковский был уволен из рядов Вооруженных сил в запас. После увольнения он становится профессором кафедры стрельбы специального факультета. Здесь, как и во всех делах, за которые он берется, генерал достиг заметных успехов. Написанные им учебники «Управление огнем наземной артиллерии», «Теоретические основы стрельбы наземной артиллерии» для Африки и Латинской Америки выдержали два издания и по сей день пользуются большим спросом у слушателей.

Сейчас ветеран гордится, что носит форму уже 78 лет. Кстати, второй осколок снаряда Анатолий Станиславович до сих пор носит в груди. Говорит, что в целом он не мешает, вот только проходить контроль в аэропортах неудобно — крутят и вертят после каждой рамки металлоискателя. Приходится ветерану распахивать рубашку на груди и показывать огромный шрам, под которым «спряталось» боевое железо — напоминание о Сталинградской битве.¹

*Сергей БАКАНЕЕВ,
Александр КАРПОВИЧ*

¹ Круковский А.С. Из окопа за парту // Материалы международной научно-практической конференции 17–19 июля «Курская битва. Год 1943» / Музей-заповедник «Прохоровское поле». — Белгород: КОНСТАНТА, 2013. — 306 с.

Алла Алексеевна ЛОЖКИНА

Война застала нас в Сиверской, где мы снимали на лето дачу. Родители не спешили нас вывозить, так как все говорили, что война скоро закончится. В итоге мы вернулись в Ленинград на последнем поезде. Тот, что поехал после нашего, немцы разбомбили, и сообщение с городом прекратилось. В первые дни был отдан приказ всем сдать транспортные средства (папа сдал свой мотоцикл), радиоприемники (чтобы не слушали немецкую пропаганду). Нельзя было пользоваться фотоаппаратами, чтобы не фиксировать ужасные картины блокады.

До войны папа работал на автобазе по ремонту машин. Ему дали бронь, и поэтому мама с тремя детьми трех, семи и десяти лет осталась в Ленинграде, вместе с ним. Жили мы на Обводном канале, в доме 183, рядом с Домом культуры им. Цюрупы. Бабушка с дочкой жили на 8-й Красноармейской улице. Выжить в блокаду им не удалось. И я даже не знаю, где они похоронены. Но не исключаю, что их тела сожгли. У моих родителей не было сил похоронить их, они отвезли тела в Троицкий собор и там оставили. Когда папа, узнав о смерти матери и сестры, пришел в их комнату, то увидел, что все вещи, имев-

шие ценность, исчезли... Да, были и такие «блокадники», и не все мечтали только о хлебной корке.

Войну я помню эпизодами. Зимой мы ездили с санками за водой на какое-то предприятие на Обводном канале. На улице был такой мороз, что, пока возвращались, вода превращалась в лед. На углу Обводного и Дровяной улицы был построен ДОТ (огневая точка) для обороны Ленинграда, на случай если немцы войдут в город. Там иногда находили покойников. Видимо, кто-то не в силах был везти их дальше.

Маме приходилось дежурить на крыше, чтобы гасить зажигательные немецкие бомбы. Она брала нас с собой. Говорила, что если погибнем, то вместе. Мои старшие сестры учились в школе № 280 на Лермонтовском проспекте. В 1941 году занятия были прекращены, а когда возобновились, то часто во время обстрелов подолгу отсиживались в школьном бомбоубежище, боясь, по возвращении домой увидеть развалины на месте нашего дома.

Помню, когда начинался обстрел, мы забивались в угол чердака, затыкали уши, чтобы не слышать свиста снарядов. Было очень страшно. Однажды во время очередного обстрела мы сидели в бомбоубежище. Вдруг задрожала земля, погас свет. Поднялась паника, думали, что в наш дом попала бомба. Оказалось, что бомбу сбросили на соседнее здание – ДК им. Цюрупы. Но бомба, пробив перекрытия до первого этажа, зависла на какой-то арматуре и не взорвалась. Не задумываясь об опасности, мы, дети, потом лазали смотреть на нее.

Каждое лето мы с мамой и сестрой ходили на Митрофаньевское кладбище собирать лебеду, крапиву, подорожник для приготовления пищи. За это немцы даже прозвали нас «сталинскими коровками». Однажды, отправившись в очередной раз, мы попали под такой обстрел, что думали, так на кладбище и останемся. Мы укрылись между могилами, вокруг рвались снаряды. Но, слава богу, погибнуть в этом аду нам было не суждено, и, когда все стихло, мы со всех ног кинулись домой. Когда бежали, увидели девушку с черной косой и оторванной ногой. Эта картина до сих пор у меня перед глазами.

Немцы бомбили нас не только днем, но и ночью, поэтому спать мы ложились, не раздеваясь, чтобы скорее спуститься в бомбоубежище. А потом мы настолько привыкли к обстрелам, что и вовсе перестали спускаться. Вставали в дверной лестничный проем, который выдерживал удары бомб, и с ужасом переживали весь этот кошмар. В наш дом попало несколько снарядов.

Чувство голода я не помню, но помню, как мы разрезали ломтик хлеба на кубики, мокали в соль и заливали кипятком. А потом я лезла под стол, надеясь найти упавшую крошку. Мама рассказывала, что мы никогда не просили есть, а, прижавшись к печке, терпеливо ждали время следующего «обеда».

Иногда вспоминали мирную жизнь. Единственной нашей мечтой было «съесть вагон хлеба», когда закончится война.

В один из дней папа настолько ослаб, что не смог подняться, чтобы идти на работу. Хорошо, что его положили в стационар для поддержки здоровья. Там ему давали усиленный паек, но он съедал не все, часть отклады-

вал для нас. Без отца мама слегла. Узнав об этом, папа ушел досрочно из стационара. Я помню, каким праздником стало для нас его возвращение: ведь он принес сэкономленную еду (кусочек масла, сгущенку, шоколадку). Мы сразу воспрянули духом!

Иногда папа с работы приносил кусочки хлеба и сухарики. Помню, как они пахли бензином. Это фронтовики, приезжавшие на автобазу для ремонта машин и танков, делились с от-

цом, когда узнавали, что у него трое детей и жена. Приезжавшие с фронта говорили, что у нас в городе страшнее, чем там. Во многом, может, благодаря именно этим людям нам и удалось избежать голодной смерти. Я до сих пор люблю запах бензина.

Большую роль в нашем выживании в годы блокады сыграли и маленькие семена овощей, которые всем выдавали весной (1942 или 1943 года, не помню точно). Мы их сеяли на грядке прямо на набережной Обводного канала. Тогда ведь асфальта и ограды не было.

Все наши родственники, жившие в Ленинграде, в годы войны эвакуировались. Уезжая, все ценное они приносили нам на хранение. И, несмотря на голод, мои родители сохранили все, хотя могли выменять на хлеб. Но воспитание, честность и порядочность не позволили им этого сделать.

Выжить в блокаду нам очень помогало Ленинградское радио. Литературные чтения, которые по нему велись, помогали нам забыть о войне, голоде, холоде и уносили нас в далекую мирную жизнь. Особенно проникновенно звучал голос (если не ошибаюсь) Марии Мироновой.

Отчетливо помню день прорыва блокады. Мы гуляли на улице с ребятами. Земля задрожала от артиллерийских залпов, гул стоял несколько часов. Мы поняли, что победа не за горами. А День Победы был теплым и солнечным. Мама разрешила нам надеть летние платья. По улице шли возвращавшиеся с войны солдаты, все плакали и целовались.

Незабываемой была картина, когда после войны по Обводному вели пленных немцев. Наступила тишина. Они шли, опустив головы. Кое-кто из толпы в них плевал и выкрикивал проклятия. Несмотря на нечеловеческие страдания, которые эти немцы причинили, нам, детям, их было жалко. Мы потом часто их видели. Они работали на Обводном канале, ремонтировали дороги. Мы их подкармливали картошкой, хлебом, а они из алюминиевых ложек делали кольца и другие поделки и дарили нам.

Война напомнила о себе и после ее окончания. Как-то на Обводном канале жгли мусор. Мы с ребятами стояли вокруг костра, и вдруг раздался сильный взрыв. В куче мусора оказался неразорвавшийся снаряд. Мелкие осколки посыпались на нас, два из них достались и мне, семилетней девочке.

Блокада оставила неизгладимый след в моей жизни. Я и мои сестры из-за постоянных стрессов стали заикаться. Это мне очень мешало не только в учебе в школе и институте, но и в жизни. Мешало мне и плохое зрение, которое у меня появилось как осложнение после золотухи, перенесенной в блокаду. Война лишила меня детства, у меня не было игрушек, нет ни одной фотографии дошкольного возраста. Учиться я пошла не в 7 лет в 1945 году, а в восемь, так как после войны меня положили в больницу.

Прошло 70 лет после войны, но при слове «немец» у меня подсознательно возникают негативные эмоции.

Отец моего мужа, Ложкин Иван Федорович, тоже всю блокаду прожил в Ленинграде. Он работал на судоремонтном заводе у Большеохтинского моста. Выжил чудом. После войны в нашей семье старались не вспоминать о блокаде, слишком тяжелыми были эти воспоминания.

**Эльвина
Александровна
МАРТЫНОВА**

Я очень люблю раннюю осень за буйство красок и цветов, за обилие ягод, овощей и фруктов. Я люблю её за то, что родилась в это прекрасное время года — 6 сентября 1938 года в Ленинграде, в Петроградском районе.

Я и мои родители вместе с бабушкой Лукиной Евдокией Лукиничной 1884 года рождения жили на улице Большая Зеленина. У нее было трое детей: сын, мой папа, и две дочери, Анна и Мария.

Папа, Александр Кузьмич, 1909 года рождения как медицинский работник ушёл на фронт. В марте 1942 года мы с мамой приехали в пригород Ленинграда к родным моей мамы. Бабушка с дочерьми осталась в городе. В апреле 1942 года она умерла, похоронена в братской могиле Серафимовского кладбища. Я не знаю, где именно покоится бабушка, но, когда бываю на этом кладбище, на каждый холмик братских могил кладу для нее или кусочек хлеба, или конфетку, или цветок, или монету.

В дни празднования снятия блокады Ленинграда, когда по телевизору идут фильмы о том, как по Ладоге переправляли жителей Ленинграда и как некоторые грузовики с женщинами и детьми шли ко дну, не могу сдержать слезы. Ведь все это пережила и я.

В конце марта 1942 года нас переправляли на Большую землю по Дороге жизни по льду Ладожского озера. Несколько раз нас возвращали — немец часто бомбил. Кое-как мы добрались до Шлисельбурга, оттуда в товарняках ехали до Южного Урала. Было голодно и холодно. Мама по пути обменяла пуховый платок на продукты и получила отравление.

В Канске, куда нас эвакуировали, мы поселились в бараке. Помню, в комнате стояла плита с комфорками из нескольких колец и большая бочка. Спали мы на полу. Однажды утром я стала будить маму, но она не отвечала. Взрослые меня вывели из комнаты. А через некоторое время я увидела тёмную толпу людей в коридоре. Это знакомые и соседи провожали мою маму в последний путь. Меня с собой не взяли.

Осталась я с родной тётёй Анной Матвеевной 1911 года рождения, у которой было двое детей. Её муж был на фронте.

Дети есть дети. Мы играли, шалили. Однажды так дошалились, что сорвали верёвку с бельем, висящую над

*Моя вторая мама
Любовь Ивановна*

плитой. Я спряталась за бочку, и меня не нашли. Наказания удалось избежать.

С большим пониманием к нам, блокадным детям, относились местные жители. Недалеко от нашего барака жил китаец. На своем огороде он выращивал огурцы. Мы с двоюродной сестрой Аней и братом Борисом ходили эти огурцы воровать. Мы собирали их в подол, засовывали в рубашку и в карманы, а китаец, как мы поняли потом, годы спустя, за нами все это время наблюдал и, когда видел, что класть овощи уже некуда, на-

чинал на нас кричать, и мы разбегались в разные стороны. Добрый был человек.

Когда закончилась война, за мной приехал папа. В нашу большую комнату пришли все жители барака, встали полукругом. Папа дал мне бумажный кулёк с драже, и я каждому давала по одному шарик. Проводить нас вышли все соседи. Я уезжала из своего военного детства.

По дороге домой мы должны были пройти санобработку и оказались в городе Н., где располагался эвакуационный пункт. Папа попросил молодую женщину помыть меня. Она мне очень понравилась, у неё были длинные волнистые рыжие волосы. Я смотрела на неё и думала: «Какая красивая!».

После санобработки мы отправились в путь. Подъезжали к Ленинграду вечером. Я увидела из окна вагона большой освещённый город. Так началась моя новая жизнь. Наша квартира на улице Большая Зеленина было занята. Временно мы поселились у тётки Ани на улице Ленина.

*Моя вторая мама
Любовь Ивановна*

Но потом и у нас появилось свое жилье и семья. Помню, как мы с папой пришли в незнакомый мне дом, папа позвонил в квартиру. Дверь открыла женщина в военной форме с красивыми волнистыми волосами. Это была Любовь Ивановна, 1914 года рождения. Папа с ней познакомился на фронте. Она была медицинским работником и вскоре стала моей второй мамой. В моей памяти Любовь Ивановна оставила самые хорошие воспоминания. Помню, как мы с ней шли по улице Ленина к Большому проспекту. Впереди —

женщина в белой тканевой куртке тянет по земле ящик на лямке. Это мороженица. Глядя на неё, я сказала маме: «Когда вырасту, обязательно буду мороженицей». Так хотелось мороженого. Мороженицей, конечно, я не стала. Я закончила Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени государственный педагогический институт имени А.И. Герцена по специальности «Педагогика и психология дошкольная». Вся трудовая жизнь прошла в системе дошкольного воспитания и образования. На пенсии с 1993 года.

Возможно, на мой выбор профессии повлияли две замечательные женщины, которые были в моей жизни и о которых я всегда с благодарностью вспоминаю. Это моя тётя Анна Матвеевна, которая, невзирая на все невзгоды в эвакуации, имея своих детей, сделала всё, чтобы я осталась жива, и моя вторая мама, Любовь Ивановна, которая меня растила и воспитывала, никогда не обижала и не унижала.

В память о них я хочу закончить свои воспоминания словами Корнея Чуковского:

*Да к чему бы и жить нам
На этой планете,
В круговороте кровавых столетий,
Когда б ни они, ни вот эти
Глазастые, звонкие дети!*

Владимир Михайлович МУХМЕДИАРОВ

Воспоминания Мухмедиярова Владимира Михайловича, гвардии майора запаса, летчика-истребителя 14-го гвардейского истребительного авиационного Ленинградского Краснознаменного ордена Суворова III-й степени полка. На счету ветерана 82 боевых вылета, проведен 21 воздушный бой, сбито 3 самолета противника.

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ ФРОНТОВОГО ЛЕТЧИКА

Война. Карельский перешеек. Финляндия. Лето 1944 года, белые ночи. Погода — каждый день голубое небо. Идут жестокие бои. Каждый день по 6—7 боевых вылетов с воздушными боями и встречи с «фоккерами» и «мессерами». Полк несет большие потери. Прошу Аллаха, чтобы сделал перекур, но он меня не слышит.

Наша землянка недалеко от озера. Солнце поднялось, и мы встали. Чудное утро, красота такая! Птички поют. Эх! Порыбачить бы на зорьке! Идем на КП эскадрильи. Только успели подойти к самолетам, ракета на вылет. Самолет всегда на боевом взводе.

Без завтрака понеслись на прикрытие войск. Поле боя на высоте 5000 метров. Идем с максимальной осмотрительностью. Голова крутится на 180 градусов. Если первым противника не увижу, значит, больше никого

Плеханово, аэродром под г. Волхов, 1943 г. Командир эскадрильи Башкиров проводит занятия по тактике

не увижу. Увидел противника первым, уже 50% успеха в воздушном бою. Отутюжили 1 час 10 минут.

Второй вылет. Восьмеркой идем на прикрытие поля боя. Ходим звеньями на встречных курсах. Это для защиты задней сферы. Высота полета гвардейская — 5000 метров. Ходим целый час. Дежурием эскадрильями попеременно по одному часу в первой готовности в кабине самолета. Жара, печет солнце. Техник прикрывает кабину самолета ветками.

Третий вылет. То же самое, что и во втором вылете. Проснулась война. Стреляют немецкие зенитки, но мы мало обращаем на них внимания. Привыкли уже. Больше боимся своих зениток, потому что наши стреляют лучше.

Четвертый вылет. Звеном (4 самолета) прикрываем пятерку «горбатов» (Ил-2), которые идут на штурмовку переднего края противника. В воздухе спокойно, поэтому ведем огонь по противнику вместе. У меня 37-мм автоматическая пушка и два крупнокалиберных пулемета.

Пятый вылет. Прилетел Пе-2 и просит «шапку», то есть прикрытие на разведку железнодорожного узла Котка в тылу врага. Летим парой с Васей Деревян-

Ленинградский фронт. Аэродром Чернево, г. Гдов. Весна, 1944 г. Летчики 2-й авиационной эскадрильи. Четверо погибли летом. Слева направо: Глинкин Вася; Дервянкин Вася; Хайдин Боря; Глазунов Максим; Головин Макар; Зеленев Коля — Герой Советского Союза, командир эскадрильи; Мухмедиаров Володя.

киным. Подходим к цели на высоте 6000 метров. Пе-2 заходит на цель со снижением до 4000 метров, чтобы сфотографировать железнодорожный узел. Заработали фашистские зенитки. Вокруг появились разрывы зенитных снарядов, машину бросает ударной волной. Запахло порохом. Маневрирую. Игра в кошки-мышки. Кажется проскочили. Идем домой. Вдруг на фоне неба замечаю четверку «фоккеров» — ищут нас. Идем на снижение, они нас не заметили. Пересекаем линию фронта. Сопровождаемый нами Пе-2 на прощание покачал крыльями, отблагодарил за прикрытие и ушел домой. Задание выполнено.

Шестой вылет. Солнце начинает садиться, но в эту пору оно долго не уходит за горизонт. Сопровождаем

шестерку Ил-2 на штурмовку вражеской колонны. Оторвались, собрались и легли на курс за линию фронта. Ведущий штурмовиков — дважды Герой Советского Союза Жора Паршин. Мы: Глазунов и Гордеев — первая пара, Деревянкин и Мухомедьяров — вторая. Штурмовики работают по цели. Появляется четверка «мессеров». Завязался воздушный бой. Глазунов сбивает первого «мессера». Я расстреливаю второго, он загорелся и факелом падает вниз. Остальные самолеты противника удрали. Мы все целы и невредимы. Возвращаемся домой другим маршрутом, чтобы противник не засек, как вдруг напоролись на немецкие зенитки «Эрликон». Высота 1000 метров. Они нам такой фейерверк устроили! Со стороны если посмотреть, наверно, красиво было. Купаемся в огне. Самолет перевернуло, я его выпрямил. Смотрю на левое крыло — консоли нет. Мой самолет летит как-то боком, по кривой. Обрадовались фрицы, стали добивать. Испортили моего красавца, стал он как ободранная кошка. Прошу его: «Давай, родной! Довези до дома. Я домой хочу, я так давно не видел маму!» Летим с ним, ковыляя во мгле, на честном слове и на одном крыле. С большим трудом захожу на посадку, самолет плохо слушается штурвала и все время хочет уйти влево. Сел и зарулил на стоянку. Выбрался из кабины, обнял и поцеловал свой самолет. Теперь, думаю, отдохну, пока тебя лечить будут. Солнце уже село и закончился еще один тяжелый фронтный день. За ужином, как водится, посидели и выпили честно заработанные фронтные 100 грамм.

Новый день. Солнце поднялось, и мы встали. Идем на КП. Подхожу к самолету и глазам своим не верю.

Защитники ленинградского неба — Бойко Борис и я. Самолет Спитфайер. 1945 г.

Стоит мой красавец, как новенький, и улыбается. Так здорово поработали техники. Пока мы, летчики, спали, они всю ночь ремонтировали самолет. У нас говорили, что летчик и техник как братья, самолет — связующее звено, а вместе они все — одно целое. Если летчик не возвращался с задания, техник стоял и плакал. Еще у нас говорили: «Летчики не умирают — они не возвращаются».

Потом много всего еще было, и победы, и поражения, и посадки «на брюхо». На войне — как на войне. Как-то раз прочесал мой самолет «Фокке-Вульф-190» из четырех пушек. Повредил и фюзеляж, и хвост, и крыло, и даже порвал на мне новые хромовые сапоги, только что полученные взамен кирзовых. Жалко их было очень. Но опять вытащил меня с поля боя мой боевой друг. Потом мой техник извлек из бензобака самолета головку от вражеского снаряда. Своеобразный сувенир от «фоккера» и память о тех жарких днях.

В том же 1944 году 15 мая мне запомнился налет фашистской авиации на наш аэродром у местечка Чернево под Гдовом. Аэродром бомбили пикирующие бомбардировщики «Ю-87» под прикрытием «Фокке-Вульфов-190». Под огнем противника успело взлететь только одно звено. Остальной летный состав и техники укрылись в окопах. Мы видели, как над аэродромом на высоте 100 метров в лобовой атаке сошлись «Як-9» и «Фокке-Вульф-190». Жуткое зрелище. Наш «Як-9» загорелся и упал тут же на аэродроме. «Фокке-Вульф-190» упал за границей летного поля в лес. Так героически погиб командир эскадрильи гвардии капитан Баранов Иван Дмитриевич. Он был похоронен в районе этого аэродрома. Вечная слава летчикам, не вернувшимся из боя!

Покорные общему закону мы, ветераны Великой Отечественной войны, уходим, оставляя вам, грядущим поколениям, память о наших ратных подвигах. Мы воевали за Родину, за Сталина, за веру и Отечество, не щадя живота своего!

Ольга Ивановна НЕМЦЕВА

Войну я встретила в Ленинграде, и в блокаду ни на один день не покидала свой родной город. Маме предлагали эвакуироваться, но она не согласилась и меня, 9-летнего ребенка, в эвакуацию отправлять тоже наотрез отказалась. Сказала, что не хочет расставаться: «Погибать, так вместе». Практически с первых дней мама принимала активное участие в работах по укреплению оборонной линии, рыла траншеи и рвы. Отец через три недели после объявления войны пошел добровольцем в ополчение, хотя ему уже был 41 год и по возрасту он призыву не подлежал. А в октябре 1941-го мы с мамой осиротели — папа погиб. Ужас и горе охватили нас.

Мама, Мария Петровна Яковлева, пошла работать на завод «Красная Заря», где до войны трудился отец. На работу, когда остановились трамваи, мама ходила пешком каждый день, несмотря на обстрелы и бомбардировки. Мама рано уходила и поздно приходила, а по дороге домой, шагая по Литейному проспекту, с замиранием сердца всматривалась в даль: виден ли наш дом, стоит ли? Боялась, вдруг что-то случится, я ведь дома оставалась одна, а город бомбили постоянно.

В подвале нашего дома было оборудовано бомбоубежище, куда во время воздушной тревоги спуска-

лись жильцы. Со временем фашисты бомбили нас так часто, что сил спуститься с 5-го этажа в бомбоубежище, а после отбоя снова подниматься в квартиру, не хватало. Поэтому иногда во время объявления воздушной тревоги мы с мамой, когда она бывала дома, просто оставались в квартире, надеясь на авось, — может быть, пронесет. С моим соседом-мальчишкой по коммунальной квартире во время бомбардировки мы иногда поднимались на чердак, а там и на крышу, чтобы помочь гасить зажигательные бомбы. Для этого на чердаке всегда были ящики с песком, щипцы и лопаты.

Однажды, находясь в бомбоубежище во время тревоги, мы услышали такой силы взрыв, что, казалось, бомба попала в наш дом (жили мы на улице Жуковского, в доме 7/9, в котором когда-то жил Маяковский). Нас так потрянуло, что все перекрытия заходили ходуном. Но когда мы вышли на улицу, то увидели, что бомба попала в здание, стоящее в четырех домах от нашего. От него остались одни развалины. Зрелище было ужасным, я запомнила навсегда, как на сохранившейся внутренней стене висела чудом зацепившаяся за что-то железная кровать, рядом болтался желтый абажур. Все это находилось на уровне 3-го или 4-го этажей. Но пугали не столько бомбежки и обстрелы, сколько другой враг, враг № 1 — голод.

С осени 1941-го трудности с продовольствием усилились. Есть хотелось все время. Хлеб, который выдавался по карточкам, мы делили на весь день. Я, оставаясь дома, нарезала свой ломтик на маленькие квадратики и ела по одному, стараясь подольше не проглатывать, — так я растягивала удовольствие. Приходилось есть кисель из столярного клея, а дуранда из жмыха казалась мне лакомством, правда, очень редким. Нашей радости не было предела, когда мы с мамой нашли лампадное масло, оставшееся с довоенного времени. В пищу пошло и оно. Моя тетка, Глафира Петровна Коликова, постоянно говорила маме: «Не корми ты Лёлю. Умрешь ты, и она погибнет». Но мама ее не слушала. И я, хоть и попала с дистрофией в больницу имени Раухфуса, но, слава богу, выжила. А в ноябре 1941 года умер двухмесячный сын тети, а за ним и она.

Комнаты выглядели тоскливо и серо, в них было мало света. Окна были заклеены крест-накрест бумажными лентами. Вечерами и ночью строго соблюдали светомаскировку. Помню, из окна кухни (стена нашего дома выходила на территорию Мариинской больницы) в один из вечерних авианалетов мы наблюдали, как в ночном небе лучи прожекторов ловили вражеский самолет.

В этих условиях единственным спасением от голода и военной реальности для меня были книги и радио. Я слушала радио и много читала. Читала все подряд, даже не по возрасту — Мопассана. Чтение помогало мне

иногда забыть чувство голода. У нас было много книг, но часть ушла в печку. Особенно мне была дорога «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу, потому что она связывала меня с мирной жизнью. Ведь я читала ее еще до войны. И я сделала все возможное, чтобы эту книгу сохранить.

Зимой, когда в нашем доме не было света и не работал лифт, чтобы на лестнице в темноте не наткнуться и нечаянно не задеть друг друга, потому что еле ползали — силенок-то не было, по стенкам жались, — наши жильцы ходили со «светлячками». «Светлячок» — это круглый значок диаметром 2–2,5 см, покрытый фосфором. В темноте он светился, и мы видели друг друга.

Эти «светлячки» выдавала всем жильцам наша жилищная контора. Их можно было повесить либо на пуговицу, либо прикрепить булавкой.

*Фото сделано перед войной.
Мне 8 лет*

Все, что только можно было обменять на хлеб, мама обменяла, поэтому у нас оказался свободным в комодке один ящик, и у меня появилось новое увлечение. В этот ящик я стала собирать осколки от снарядов, которые находила даже в парадной собственного дома. Часто, выходя из подъезда, я оказывалась свидетельницей очередного артобстрела. Приходилось переживать эти страшные моменты. Иногда осколки летели прямо под ноги. Я наклонялась и поднимала их. Иногда они были такими горячими, что я обжигала пальцы. Потом я относила их домой и складывала в ящик комодки. Осколки я собирала на память, я знала, что война когда-нибудь закончится, и это будет интересно.

Осенью 1942 года на улице Жуковского, рядом с Греческой площадью и греческой церковью открылась школа № 220, и я пошла во 2-й класс. Это было узкое здание в 5 или 6 этажей, и классы располагались с 1-го по 5-й этаж. Там нам давали завтраки. Я помню, как нас сажали за

стол, мы сидели с ложками и ждали с нетерпением, когда нам что-то принесут на тарелочке. Обычно приносили ломтик хлеба и кашу. Мы ели и шли на занятия.

В 3-м классе я ходила в школу № 205 на Кузнечном переулке. Школа разместилась в солидном здании, с огромным актовым залом, с роскошными хрустальными люстрами. Затем ее закрыли, и в 4-м классе я ходила в женскую школу на Лиговском проспекте в створе с Кузнечным переулком. И там я окончила свое обучение.

Самым большим событием для нас в годы войны стал прорыв блокады. Помню, как узнав о прорыве нашими войсками блокадного кольца, все с улыбками высыпали на улицу и радовались. Жить стало по-другому. Сознание того, что мы теперь не остров, отделенный от мира, а вместе со страной — дорогого стоило. Радио сразу стало звонче, веселее. И нам это добавило столько энергии и сил. Конечно, мы не наедались, но голода столь сильного тоже не было.

Известие о победе было ожидаемо. Сомнений в том, что мы победим, не было. Все шло к этому. И мы ждали лишь официального объявления. Каждый день по радио сообщали об освобождении очередных городов, сел и поселков. И наконец-то прозвучало: «...Наши войска в Берлине». Началась новая, мирная жизнь. Надо было восстанавливать разрушенный город. И как когда-то мама каждое утро уходила на оборонительные работы, так теперь — на восстановительные. И каждый вечер она возвращалась уставшая, но удовлетворенная. Ведь наступил мир. И она была причастна к строительству новой, счастливой жизни.

А я все время надеялась, что похоронка на папу пришла ошибочно. И после известия о победе старалась встретить каждую колонну военных, возвращающихся с фронта, чтобы найти в ней отца. Но чуда не произошло...

После школы я окончила архитектурный техникум, Инженерно-строительный институт, работала в проектно-институте ЛенНИИпроект и оттуда ушла на пенсию. Я принимала участие в проектировании домов на Васильевском острове, разрабатывала планировки коттеджей для академика Ф.Г. Углова, В.И. Колесова и др.

Вера Николаевна ОВЧИННИКОВА

Родилась 22 ноября 1924 года в городе Миргород Полтавской области.

Участник Великой Отечественной войны. Кавалер ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны, ордена Славы II и III степеней, награждена многими медалями, среди которых медали «За отвагу» и «За боевые заслуги». Есть особый значок — «Отличный радист».

Родилась я в семье военного летчика. Когда мне исполнилось 9 лет, полк, в котором служил мой отец, перевели под г. Ленинград, в Осиновую Рощу, и я вместе с мамой и отцом переехала жить туда. Именно там впервые смогла пойти учиться в школу, но закончить ее так и не удалось, спустя 5 лет началась война.

С первых дней войны направили меня учиться в ремесленное училище по специальности «токарь», обучение продлилось три месяца. После окончания училища сразу же отправили работать на фабрику «Микоян» в механический цех токарем. Там мы производили снаряды для фронта. Проработала до осени 1943 года. Так же, как все ленинградцы, голодала — мечтала хоть раз досыта наесться хлеба. Работала на оборонительных рубежах, дежурила на крышах домов и в бомбоубежищах.

Осенью 1943 года пошла в военкомат и, приписав себе два года, записалась добровольцем на фронт. От военкомата направили в школу радистов, а затем, после учебы, отправили на курсы разведчиков, закончив которые я получила звание старшего сержанта и стала радистом 1-го класса, и тут меня отправили на фронт.

Попала я в 23-ю армию в 54-й полк связи в начале весны 1944-

го, полк на тот момент располагался в Сертолово, и с самых первых дней моего пребывания там началось наступление. Первое боевое крещение получила в боях на линии Маннергейма, здесь же впервые была ранена: один из «кукушек», так мы называли финских снайперов, спрятавшись в листве на дереве, прострелил мне ногу. Пролежав пару недель в госпитале в Дибунах, вернулась в военную часть.

Однажды в одной из деревушек, куда мы пришли втроем на разведку, случилось самое страшное, что я испытала за всю войну. Проходя мимо одного из домов, мы отчетливо услышали детский плач. Сережа, мой сослуживец, бросился в дом на помощь к ребенку. Не успели мы войти вслед за ним, как на наших глазах изба взлетела на воздух. Финны заминировали маленького ребенка.

Часто финны подкидывали нам и другие «подарочки»: идешь по дороге — и находишь золотые часики. А они — последнее, что ты видел в жизни, — тоже заминированы.

Так, вместе с 54-м полком я прошла боевой путь от Сертолово до Выборга. После того как был освобожден Выборг, перебросили на 3-й Украинский фронт, который располагался в городе Яссы, в Румынии.

В Румынии, впервые за долгое время, я увидела белый каравай хлеба, он просто заврожил. Вместе с моей подружкой, Машей, тоже радисткой, спрашиваем у пожилой румынской женщины: «Сколько стоит?». Но она по-русски не понимает и что-то бормочет про «леи» — это их деньги. А Маша ей в ответ: «Ты не леи, а взвешивай!». В итоге румынка, поняв, что у нас нет денег, но, узнав, что мы из блокадного Ленинграда, отрезала нам хлеба бесплатно.

Вместе с 3-м Украинским фронтом я участвовала в освобождении Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Австрии. 15 раз ходила в тыл врага, добывая разведданные и «языков».

Победу встретила в Вене. Сказать, что «ощутила» Победу сразу, нельзя, — осознание этого пришло гораздо позже. Осенью, уже спустя несколько месяцев после окончания войны, стало резко ухудшаться здоровье, и меня положили в госпиталь. Именно там, как ни странно, и пришло чувство, что война закончилась.

Но на этом моя служба в армии не закончилась.

После госпиталя вызвали в Большой дом и тут же, даже не дав попрощаться с родными, отправили работать за границу в Германию, в штабной госпиталь в Франкфурте-на-Одере, и после, в Потсдам, в отдел цензуры. В 1951 году демобилизовалась, вернулась домой, вышла замуж, родила сына.

Сейчас я председатель Совета ветеранов первичной организации, ко мне часто со своими проблемами обращаются мои друзья — ветераны. Конечно, далеко не всегда я могу им помочь, но я стараюсь... Мы все знаем: не стареют душой ветераны!

Галина Павловна ПЕТРОВА

Когда началась Великая Отечественная война, мне было всего три года. До этого времени я ничего о себе не помню. Жили мы в то время на 11-й Красноармейской улице, рядом с хлебозаводом «Красный пекарь».

Мои первые воспоминания связаны с бомбежкой Ленинграда. Было очень страшно. Я, маленькая девочка, не могла понять своим детским умом, что происходит. Ужас охватывал меня. Особенно страшно было, когда горели Бадаевские склады с продуктами и мукой. Зарево от пожара стояло в полнеба, и ночью было светло, как днем. Мы с мамой убежали в бомбоубежище. Оно находилось в подвале нашего дома. Там было холодно и сыро даже летом. Кроме нас туда сбежались люди из близлежащих домов. Под свист и взрывы бомб перепуганные дети плакали, матери закрывали их своими телами.

Город постоянно подвергался авианалетам. Сначала мы не могли различить по звуку мотора, какой самолет летит, но потом даже я в свои три-четыре года знала, кто — наш или фашистский.

Можно многое вспоминать о войне, но я хочу рассказать три эпизода, которые особенно врезались мне в память.

В начале войны моя мама не работала, поэтому она ходила дежурить на крышу нашего дома. Она собирала зажигательные бомбы, или, как их тогда называли, «зажигалки», сбрасываемые с фашистских самолетов на крыши домов. На чердаке были специальные большие и высокие деревянные ящики с песком и огромные металлические щипцы. Она подбирала щипцами сброшенные «зажигалки» и гасила их в ящике с песком. Меня мама, опасаясь оставлять одну, всегда брала с собой. Я сидела на чердаке, рядом с ящиком. На крышу выходить было запрещено. Было страшно, особенно по ночам, когда по темному небу металась лучи прожекторов, раздавался гул самолетов и свист бомб. Спрятаться было негде.

Позже мама пошла на работу, папа трудился по две смены. Он был печатником. Меня отдали в детский сад. Он находился на соседней улице. Часто утром по дороге в садик мы попадали под обстрелы и бомбежки. Нам с мамой приходилось, пользуясь минутами затишья, двигаться перебежками от дома к дому, а при начале обстрела прятаться под арками домов.

В садике у каждой группы было две комнаты. В одной — спальня с маленькими железными кроватями,

а вторая комната использовалась в качестве столовой и игровой. Но мы там почти не бывали, так как часто бомбили. В основном нас держали одетыми в бомбоубежище.

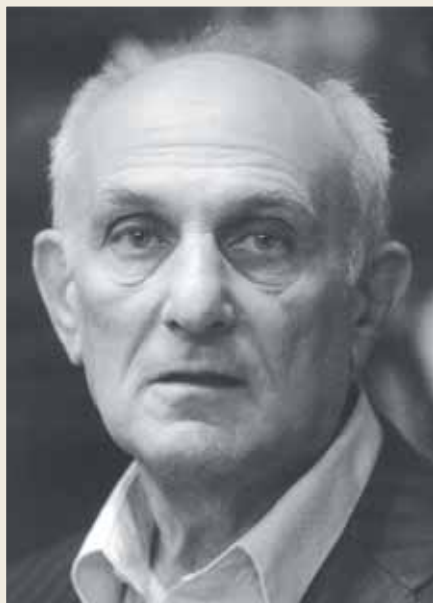
Есть было нечего, но нас, детей, в детском саду каждый день на завтраки и обеды кормили чем-то вроде рисовой каши. С тех пор я рисовую кашу не ем.

Однажды в очередной раз мы пережидали бомбежку. Наконец взрывы прекратились, и нам разрешили выйти. Двери бомбоубежища открыли, и первым на улицу вышел мальчик. Я была следующей. Но неожиданно вблизи разорвалась бомба, и на моих глазах мальчик погиб от удара осколком. Воспитатели схватили меня за пальто и еле успели втащить обратно. Этого мальчика я помню всю жизнь и не забуду до смерти.

О бытовом комфорте пришлось забыть. Даже мыться было негде. Общественную баню недалеко от нашего дома на Лермонтовском проспекте разбомбило, и мы с мамой пошли в другую, на Московский проспект. Стоял летний день, светило солнце, с утра было тихо. Мы пришли в баню, разделись и вошли в мыльную. Только мама меня намылила — начался обстрел. Снаряд угодил в баню. Слава богу, та часть помещения, где находились мы с мамой, уцелела. В этой же части была дверь в раздевалку. Я сильно испугалась, с криком вырвалась из рук мамы и побежала, ничего не соображая. Мама с трудом успела меня поймать и удержать. Я была намыленная и скользкая. Она прижала меня к себе, кое-как обмыла, и мы, так и не помывшись, ушли домой. Эта сцена до сих пор стоит у меня перед глазами. Теперь, когда я со своими детьми проезжаю мимо этой бани на Московском проспекте, всегда рассказываю про этот случай. Можно еще очень много вспоминать о тех годах, но я решила рассказать о своих самых ярких и страшных воспоминаниях о той войне.

Хочется ещё добавить, что я на протяжении всей Великой Отечественной войны не покидала своего родного города. Все 900 дней я провела в осаждённом Ленинграде. Будущие поколения должны знать об этом времени великих испытаний, выпавших на долю нашего народа, чтобы этого не повторилось никогда!

Анатолий Соломонович РАХЛИН

26 декабря 2014 года СДЮСШОР по дзюдо, что на Кондратьевском проспекте, дом 13А, возникшей на базе возрождённого «Клуба дзюдо “Турбостроитель”», присвоено имя заслуженного тренера России Анатолия Соломоновича Рахлина.

Без малого полвека его служения спорту отмечены правительственной наградой – «Орденом Почёта», полученной из рук воспитанника СК «Турбостроитель» при Ленинградском Металлическом заводе, Президента России Владимира Путина.

Анатолию Рахлину было всего три года, когда началась война.

Всю эпопею ленинградской блокады, все 900 дней и ночей наша семья провела в осаждённом городе. Мы готовились к выезду. Собирали вещи и хлопотали с бумагами, но выбраться из кольца уже не успели. Многие покинули Ленинград, оставив квартиры, имущество, потеряв практически всё и обретая лишь перспективу неизвестности.

Позже стало известно, что для многих жизнь в эвакуации была немногим лучше по быту и шансам выжить, нежели в городе под кольцом глухой блокады. Ближайший пример — Архангельск, принявший множество эвакуированных с северо-западных областей, город, где весной 1942 года норма отпуска хлеба была урезана до 75 граммов в сутки!

В блокаду мне было слишком мало лет, чтобы сознание успело охватить полный спектр впечатлений, ощущений и получить пищу для позднейших выводов. Но некоторые яркие картины той поры запечатлелись очень прочно. Голод. Холод. Бомбёжки и артобстрелы. Ставшая такой обыкновенной гибель людей...

Блокаду можно описать в стихах, грозно зарифмовать, расписать страхи, сколь угодно рассказывать об ужасах, но передать истинное ощущение будничного балансирования на краю — вряд ли. Это надо пережить. Ведь война — это только часть жизни, которая нас многому тогда научила. Технология выживания, к сожалению, постигалась на ходу.

В блокаду мы жили в той же коммуналке, где помещались ещё около десяти семей. Впятером занимали лишь одну комнату площадью 14 квадратных метров. Её нужно было максимально эффективно и экономно обогреть — минимум дров и подручного топлива. В нашей семье все взрослые работали и поэтому получали норму питания и дровяной паёк, состоявший из двух-трёх тяжёлых поленьев. На «чёрный рынок» нести из квартиры было нечего. Жили фактически на зарплату. Разве что маме удавалось выручить денег шитьём. Подробностей я не знаю.

В комнате поставили железную печь — «буржуйку». Её труба была выведена в дымоход домашней печи. «Буржуйка» разогревалась моментально, раскалялась, тепла же давала немного — всё буквально вылетало в трубу. Но кирпичи основной печи успевали хоть сколько-нибудь приемлемо нагреться. Мы, дети, спали вместе с бабушкой и дедушкой на одной железной кровати, чтобы хоть немного согреть друг друга. Вся мебель ушла в топку. Уцелели только деревянный шкаф и диван-оттоманка. В комнате всё равно постоянно царствовали холод и сырость. Тяжёлое и мучительное сочетание, усугубленное го-

лодом, не проходящим желанием что-то есть, жевать, грызть, сосать, хотя бы погонять за зубами.

Думая о тех временах, делаю вывод: уцелеть в голодном и холодном городе смогли только те, кто имел работу и держался дружно, семейным коллективом.

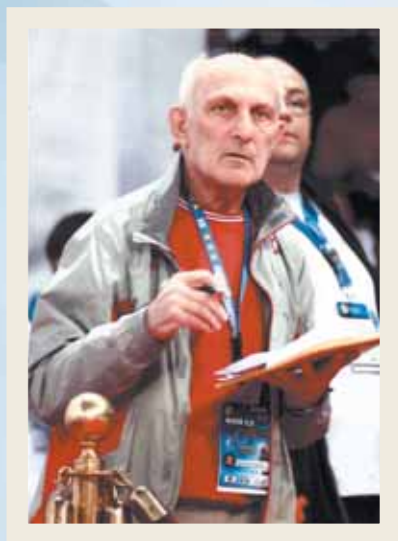
Однажды в один из авианалётов, от которых наш центральный район страдал больше, чем от обстрелов, бомба попала в наш дом. Она не причинила вреда зенитному расчёту счетверённых пулемётов «максим» на крыше, но пробила кровлю, проломила перекрытия и остановилась, врезавшись в пол, над нашей комнатой. И не взорвалась. Однако стокилограммовый боеприпас всё же принёс с собой смерть. Бомба упала прямо на кровать, где отдыхала наша соседка-сандружинница. Придавила и убила. Прямое попадание. Нам тогда очень повезло. Вернувшись из бомбоубежища, увидели: весь потолок в трещинах. Мы их потом долго не могли сделать...

Воздушная тревога — одна из многих. Над городом на нескольких уровнях висят привязанные тросами аэростаты заграждения, чтобы помешать немцам бомбить с малых высот. Когда выходим из подвала после отбоя, видим перед нашим домом огромную воронку от взрыва бомбы. Она была как раз у будущего дома Путиных, Басков переулок, 12. Наши парадные были напротив друг друга. Так интересно нас свела судьба — двор в двор, ворота в ворота. Путины поселились там в квартире номер 12 много позднее, когда глава семьи, Владимир Спиридонович, вернулся с фронта. Володя же родился в 1952 году, когда эхо войны гремело уже только в полях и лесах. А ту бомбовую яму засыпали не сразу даже после войны.

Все коммуникации при бомбёжках и обстрелах были разрушены. Водопровод не работал. За водой ходили на улицу Некрасова, где в общественном туалете остался единственный на всю округу функционирующий кран. Туалет был фактически на кухне, где рухнула стена и образовалось общее помещение.

Талоны на питание отоваривали на пункте раздачи, помещавшемся на углу Моховой и Белинского. Брала с собой какие-то кастрюльки, термосы, судки. Очереди были невелики, о чём там разговаривали — не помню. По-

лучали немного горячего жидкого супа, пайку хлеба и кусок дуранды — жмыха от семян подсолнечника. Вот этот ломтик весь день и катаешь во рту. Голодно — и никто тебе ни крошки дать лишней не может. Даже если хочет.

На нашей лестничной площадке жил сосед-лётчик. Он часто ночевал дома и когда бы ни встречал нас, детей, всегда лез за пазуху, делился шоколадом из лётного пайка. Без остатка, на всех. Даже в это страшное, звериное время взрослые старались беречь маленьких. К ним

было особое отношение. Такое не забывается. Лётчик же в блокаду погиб. Нет, не в воздушном бою. У нашего дома упал снаряд, человек погиб в подворотне, не успев добежать до бомбоубежища.

Но было и другое, о чём старались не говорить многие годы... У моего старшего брата была подружка-одноклассница. Как-то мама оставила её одну возле булочной. И девочка пропала. Её так и не нашли... Брат был такой полненький, что его боялись одного отпускать на улицу. Даже поиграть во двор. Однажды мама раздобыла три больших полена дров. Все сразу занести с улицы на балкон она не могла, поэтому оставила нас караулить эти деревяшки. Страшная драгоценность в те дни! В это время к нам подошла какая-то пожилая женщина, о чём-то заговорила с братом, придвигаясь всё ближе и ближе, потом взяла его за руку и уже почти повела со двора... Не забыть сумасшедший крик матери, увидевшей эту картину! Бабку как ветром сдуло. Я же — худой, форменный скелет от голода, на меня никто не позарился.

Военные зимы запомнились мне очень снежными. На улицах почти не было машин, но дворники, кстати сказать, регулярно выходили на работу и добросовестно делали своё дело. Это был раз и навсегда заведённый порядок — трудиться, работать. Пусть сегодня только ради куска

хлеба, без которого — смерть. Но тяга людей к труду была несомненным и главным качеством, позволявшим выжить. Страх как такового в буднях практически не существовало: сколько проживу, всё моё. И ладно.

Нас, детей, спасла самоотверженность родителей и толика счастливого стечения обстоятельств. Взрослые работали и хоть как-то могли обеспечить семью. К нам сумел приехать муж сестры отца и привёз немного продуктов. Позже удалось вырваться на побывку и отцу. Его вещевой мешок был полон царских даров: американская тушёнка в двухкилограммовых банках, настоящий шоколад и множество всякой вкуснятины, названия которой я не помню и не знаю.

Запомнилось, что сугробы выглядели для моего росточка огромнейшими. В них мы зарывались с головой во время налётов, наивно полагая, что снег защитит нас от осколков. Летом, как запомнилось, преобладали золотые, солнечные цвета и провальная чернота теней. Во дворах на любом свободном клочке земли разбивали огороды и выращивали овощи. Впрочем, не диво — ели даже траву.

Школы в начальный период блокады не работали. Родители обычно с утра пораньше выгоняли нас на улицу. Иначе невозможно было терпеть наши приставания, просьбы, нытье: мама, дай хлебушка, бабушка, дай корочку! Старшим, кроме того, было и не до нас — работа. Мама служила в дружине, гасила зажигательные бомбы. Бабушка заведовала химбомбоубежищем, вечерами шила солдатам нижнее бельё. На улице же нас ждали нехитрые дворовые развлечения, за которыми как-то притуплялся вечный голод. Заиграешься и вроде как не замечаешь, что у тебя пустой желудок. Мы все были

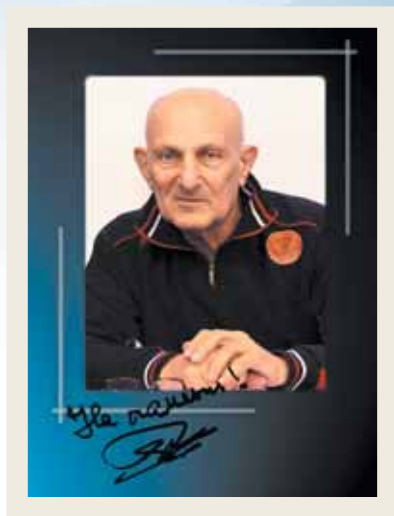
дистрофиками, но жизнь без активного движения была невозможна. Откуда брались силы на игры, забавы и проказы, мне непонятно и до сих пор. Война — не война и голод — не голод...

...Из любопытства воровали оружие, патроны, сабли. Особенно интересно было баловаться артиллерийским порохом — такие длинные, как макароны, палочки. С одного конца подожжёшь, другой ногой прижмёшь, а потом отпустишь и — полетела огненная ракета! Красиво и радостно, если никто из старших не увидел.

Как-то притащил с вечера несколько пачек патронов домой. Спрятал в печку. Сообразил же! Утром взрослые, ничего не подозревая, её затопили... Хорошо, что патроны в жестяной банке стояли пулями вверх. Такая громовая пальба началась! Печь как-то всё же уцелела. Хорошо, что никого не убило. Как меня секли, надо было видеть... От души и с чувством. Поделом!

...Были и обычные, вполне мирные, развлечения. Гоняли с ребятами тряпичный мяч, играли в прятки, в пятнашки, шныряли по чердакам и крышам. Однажды у соседнего дома, на Некрасова, 31, в помойке увидели человеческую голову, вращавшую глазами. То ли закопали кого живьём, то ли... Испугались, убежали, рассказали взрослым, и туда нас больше не пустили. Или другой случай. Забежали на чердак дома, стали носиться туда-сюда и случайно нашли сигнальный пистолет, ракеты к нему. И вдруг на нас бросился маленький человечек! Мы пулей с четвёртого этажа по перилам слетели вниз. Как ветром сдуло! Быстро всё сообщили дворникам. Они поднялись наверх и поймали немецкого шпиона, который из ракетницы сигналил немецкой авиации, навёл самолёты.

...Когда отец в первый раз приехал в 43-м с передовой в отпуск, я отличился так, что помню до сих пор. Дома папа табельное оружие не прятал — фронтовая привычка. Пистолет в кобуре лежал открыто, как тарелка или чернильница. Я потихоньку спёр ТТ и пошёл на улицу. Пацаны оружию обрадовались — экое диво! На беду за изучением «тульского Токарева» нас застал дворник и попробовал отнять опасную игрушку. Куда там, дядя! Я — чудо четырёх лет от роду, сумел взвести курок и наставил «тэтэшник» на человека, скомандовав: «Hande hoch!» Дворник метлу выронил и поднял руки вверх. Популярная фраза была ему знакома. Торжествовать мне не дала сразу мелькнувшая мысль: что же мне теперь за это будет?

Отец случившееся пережил молча, а мать превратила моё седалище просто не знаю во что. Обычные проделки для военного-послевоенного времени... Такими мы были.

На мой взгляд, большую роль во время блокады Ленинграда сыграло радио. Нет, не отдельные передачи или выступления руководителей. Динамик постоянно жил, звучал, доносил голоса жизни, не оставлял наедине со смертью, патрулирующей улицы, с безнадёгой последнего полена и потерянных талонов на хлеб. Радио вносило в нашу жизнь чувство определённости, незаброшенности, толику нормальной будничной жизни, связывало с Большой землёй. Радио в чём-то заменяло школьные занятия, которые возобновились только в 1944 году...

*(Воспоминания А.С. Рахлина
из книги «Сэнсэй Президента»
авторы А. Осокин, И. Слободянюк, А. Сухановский, 2003 г.
Материал предоставлен родственниками
А.С. Рахлина)*

Людмила Ивановна СМЕТАНИНА

Хочу поделиться своими воспоминаниями о блокаде, в которой мы прожили самый трудный год. Почему самый трудный? Потому что нас, маму и четверых детей, эвакуировали из осаждённого города только 5 сентября 1942 года.

У нас была большая и дружная семья: папа, мама и шестеро детей. Мы жили на Морском проспекте — у Центрального парка культуры. Теперь на месте нашего корпуса № 45 станция метро.

Когда началась война, отец и старший брат, которому едва исполнилось 18 лет, ушли на фронт добровольцами.

Папа погиб 23—24 июля 1943 года у деревни Арбузово, в районе Синявинских высот. Сейчас в тех местах установлен мемориал в память о погибших советских воинах. На нем есть фотография и фамилия отца.

Мы с младшей сестрой Галей очень мало помним этот блокадный год, потому что были ещё маленькими. Когда началась война, мне было около четырех, а сестре — два с половиной года. О блокаде мы знаем со слов матери.

Единственное, что я хорошо помню — как по нашему проспекту проходили военные и вели аэростаты заграждения ПВО. Они широко применялись для защиты промышленных зон и военно-морских баз Ленин-

Архив РИА Новости. #178610
Фото: Борис Кудояров | 07.12.1941

града. Хотя были менее эффективны по сравнению с другими средствами ПВО, но, тем не менее, исключали снижение самолетов противника и прицельное бомбометание.

Врагу приходилось сбрасывать бомбы с бóльшей высоты.

Ещё смутно помню, как наша парадная была затоплена водой. И это зимой! Мама рассказывала, как в наш корпус

С сестрой Галей

СПРАВКА

Тов. Сметанин Иван Петрович
 с 28 июля 41г. по мобилизации призван в ряды РККА и
 состоит на военной службе в воинской части войск НКВД
 почтовой ящик №. 696, Ленинград 43- в должности
Рядового в/составе
 (рядов. в/с. м.л.н./составе)

Выдана для представления по месту жительства
 семьи в комиссию при Исполкоме на предмет назначения
 пособия, согласно Указа Президиума Верховного Совета
 СССР от 26.6.1941г.

ЧАСТИ
 Иосов

СТАВА
 тенант -
 луж.

КОПИЯ С КОПИИ

СССР

Приморский районный
 Военный Комиссариат
 г. Ленинграда

Извещение 43.е

Ваш муж гв.красноармеец СМЕТАНИН Иван Петрович 1906г.
 уроженец: Ярослав. обл. Барисоглебский район д. Тарасово.

В бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге,
 проявив героизм и мужество, погиб 23 июля 1943г.
 похоронен Лен. обл. Духск. рн. д. Арбузова.

*Отец Иван Петрович
Сметанин*

попала то ли бомба, то ли снаряд. В этот момент она держала на руках Галинку, а я держалась за подол ее платья. Раздался взрыв. Сестренка испугалась, сильно взвизгнула и с тех пор стала заикаться. Потом, учась в школе, она только писала. С возрастом, конечно, заикаться стала меньше. Снаряд прошел все четыре этажа, застрял в подвале, но не взорвался. На нем по-немецки было написано «Поможем, чем сможем». Было страшно. Для обезвреживания приехали военные.

Место, где мы жили, обстреливали не так часто, все-таки оно находилось вдали от заводов. По сигналу о воздушной тревоге или артобстреле мама уводила меня и сестренку в подвал. Старшие сестры и брат всегда оставались в квартире.

Как мы выжили в этот страшный блокадный год, я не понимаю до сих пор. Младшая сестра от слабости только лежала. Меня прислоняли к стенке, брат или сестра придерживали, а мама давала что-нибудь поесть или попить. Мы были все словно стеклянные.

Наш старший брат вернулся в 1946 году после плена и работ на шахте.

Теперь никого из родных уже нет. Остались мы с младшей сестрой.

Раилия Александровна ТУРУШКИНА

Уже в сентябре 1941 года моя родная деревня Пиркиничи была занята врагом. 15 сентября пришли финны и сказали, что нам, жителям, нужно немедленно покинуть свои дома, поскольку скоро здесь начнется перестрелка с русскими, и мы все можем погибнуть. Отец к тому времени ушел на фронт, мама осталась одна с тремя детьми — мной, четырехлетней девчонкой, шестилетним братом Николаем и двухлетней сестренкой Верой. Почти вся деревня согласилась идти за финскими военными. И нам ничего другого не оставалось, как, бросив дом, уйти вместе со всеми.

Осень была холодная. Нас трое суток гнали по лесам. Вымотанные, уставшие дети всю дорогу плакали и просили есть. 19 сентября мы добрались до Ильинского лагеря, окруженного колючей проволокой. Помню, как на его территории угрожающе маячили виселицы. Взрослых и детей расселили в разных бараках. Нас разлучили с родными, и от этого мы чувствовали себя еще ужасней. Было очень страшно. В моих ушах до сих пор стоит стон малышей, зовущих в детском бараке своих матерей. Но спустя некоторое время к нам в барак пришли смотрители и стали по очереди выводить мальчиков и девочек во двор, где уже стояли взрослые. Оказалось, нас все-таки решили воссоединить с родней, и вскоре я с братом и сестренкой стали жить в одной комнате с мамой, бабушкой и дедушкой. Спать приходилось

на голых ящиках, о еде старались не думать. Мы вместе — и это уже большое счастье!

Очень уж трудной выдалась первая зима. В бараках холод, на полу и под нарами всю зиму лед. Хворостом, который разрешали собирать, тепла не нагонишь.

Хлеба выдавали по 150 граммов в день на человека. Детям финны давали по одной галете. Мы называли галеты ржаными хлебцами и делили на две части. Одну половину съедали до обеда, вторую после. От голода и холода люди умирали один за другим, особенно много умерло детей. Умерла наша Верочка. Ей было два с небольшим годика, и я хорошо помню, как у нее выпадали зубки, которые только успели вырасти, и она тихо плакала. Вслед за Верочкой умерла мамина тетя. За все время нашего существования в лагере умерло где-то 70% узников. Покойников хоронили здесь же, на территории лагеря. На местном кладбище насчитывалось более тысячи могил. На некоторых указаны фамилии, на большинстве — четырехзначные цифры, номера, под которыми значились люди.

В лагере мама усердно и много работала. Финны это заметили и определили её в прачечную. Там работы у неё, конечно, прибавилось, но зато появилась возможность приносить нам дополнительную еду. В основном это были обрезки сыра или колбасы, а иногда и консервные банки, в которых еще можно было что-нибудь наскоблить.

На людей, которые жили в лагере, было страшно смотреть. Молодые тридцатилетние женщины выглядели старухами, дети — кожа да кости.

Пытаться бежать из лагеря было бессмысленно.

О возможном наказании за неповиновение и не-

Архив РИА Новости. #324
Фото: Борис Кудряков | 01.04.1942

удачный побег нам постоянно напоминали карцеры и виселицы. Карцеры разделялись на два типа: первичного и вторичного наказания. В первом человек почти не получал пищи и не имел постели, во втором — мог только стоять. За плохое поведение и попытку бегства узников вешали.

Долгожданная свобода пришла для нас в 1944 году. Из лагеря нас привезли в город Лодейное Поле, а оттуда направили в поселок Свирьстрой, где мы жили до 1948 года в землянках, пока не построили из гнилых бревен дом (если это можно было так назвать).

Жизнь потихоньку стала налаживаться. Слава богу, с фронта вернулся отец. Он устроился работать шофером. Мама пошла работать на местную ГЭС, а я в 1945-м пошла в первый класс. В этом году будет 60 лет, как я окончила школу.

В 1958 году я уехала в Ленинград, на учебу в институте средств у родителей не было, поэтому, чтобы им помочь, я пошла работать на 1-ю ТЭС в системе «Ленэнерго». Там я освоила много специальностей. Приходилось ездить по всему городу и Ленинградской области, занимаясь ремонтными работами на ТЭЦ и ГЭС. В системе «Ленэнерго» я отработала 41 год, а общего стажа работы на одном месте около 50 лет.

Семья у меня небольшая, муж умер рано. Дочери уже 55 лет, она тоже, как и я — энергетик. У меня есть внук, ему 34 года, он инвалид. Правнук мой учится в третьем классе, мне приходится им помогать. Живем в квартире, которую я получила как ветеран труда от «Ленэнерго». Вот так и живем.

Из моих родственников — узников концлагерей осталась я одна, все уже умерли. Я иногда езжу в Лодейное Поле, в поселок Олонец, в совхоз «Ильинское», где когда-то были лагеря для узников, и в поселок Свирьстрой. Там похоронены мои родственники, мама, папа, брат, муж — примерно 15 могил.

Галина Ивановна ФЕДОРОВА

Блокада... Какое это страшное и незабываемое время для тех, кто ее пережил и остался жив. Мне было 4 года, когда началась война. Все 900 дней моя семья находилась в Ленинграде. Я хорошо помню холод и голод.

Жили мы на Большом проспекте Петроградской стороны, на улице Ленина, дом 51, в коммунальной квартире на четвертом этаже. Среди наших соседей были те, кто жил там еще до революции. Мы занимали комнату для прислуги. Наша семья состояла из пяти человек: мамы, папы, двух моих сестер — Розы (она умерла еще до войны), Шуры и меня.

О войне можно рассказать много ужасного, но очень тяжело вспоминать...

Холод и голод быстро сковали наш город. Есть было нечего, да и мы были доведены до такого состояния, что не чувствовали голода, себя не чувствовали. Мы с Шурой лежали у печки-«буржуйки», закутанные в какие-то тряпки, видимо, в то, что было дома — лишь бы как-то согреться. И близость смерти даже не пугала нас. Мы жили на 4-м этаже и при звуках тревоги уже не спускались в подвал. Мама говорила, убьют, так всех вместе.

Но встать и выйти на улицу нам все-таки пришлось. Надо было похоронить Шуру. Она умерла тихо и незаметно. Мама завернула ее тело в мешок, и мы повезли ее на саночках. Я шла, держась за саночки, и споткнулась. Обо что споткнулась, так и не поняла, помню какой-то воротник или что-то в этом роде. Мама без эмоций сказала: «Это умер человек». Я так же, без эмоций, перешагнула через него и пошла дальше. Для нас смерть стала естественной. На канале Грибоедова, где жил наш родственник, прямо на улице до окон второго этажа выкладывали трупы. До кладбища мы, конечно, не добрались. Поэтому я и не знаю, где похоронена моя сестра.

В семье я была самой младшей. Мама старалась поддерживать во мне жизнь, как могла, отдавала мне практически всю еду. Но я все равно была очень худой. Аппетита не вызывала даже у крыс, которые всюду расплодились в то время в городе и нападали на живых людей. Я лежала дома у печки и не заметила, как ко мне подобралась эта тварь. Ее присутствие я почувствовала только, когда она оказалась у меня на груди, перед самым лицом. В тот момент я не испытала даже страха или какого-то беспокойства. Мы встретились взглядами, ее маленькие глазки смотрели на меня в упор, казалось, она вот-вот вцепится мне прямо в глаза, но животное развернулось и по-хозяйски побрело прочь.

Когда я выросла, мне рассказали ужасную историю. В подвале нашего дома месяцев девять или десять от бомбежек скрывалась женщина с младенцем. И получилось так, что оберегая малыша от смерти, мать принесла его в логово не менее коварного и беспощадного врага. Проснувшись утром, женщина была поражена увиденной картиной: верхняя часть головы грудничка, как раз там, где находится «родничок», была съедена крысами. Обезумевшая от горя мать долго не могла прийти в сознание.

Но еще страшнее, когда животным уподоблялись оголодавшие люди. Тогда ведь вещи происходили страшные! Сейчас уже ни для кого не секрет, что в годы блокады встречались случаи каннибализма. ...Мне было шесть лет, когда я, спускаясь в подвал нашего дома, встретила женщину, сильно напугавшей меня. Зачем я пошла туда и почему одна, я уже не скажу.

Но я навсегда запомнила, как из одного из сарайчи-

ков, на которые был поделен подвал, вышла незнакомая женщина и сказала: «Лучше уходи». Я спросила: «А почему?» Она ответила: «А то я тебя съем». Я испугалась и, конечно, побежала прочь.

Но случались в моей жизни тогда и приятные встречи с добрыми людьми. Во время войны на чердаке нашего дома жил мужчина. Он всегда меня жалел и называл дочкой. Поднимаясь по лестнице, я слышала его голос: «Ну что, доченька, устала?». Я садилась на ступенечку, и мы с ним беседовали в темноте. Света не было.

Чему я не перестаю удивляться до сих пор, так это доброте русской души. Наши матери, несмотря на то, что сами недоедали, после войны приносили еду пленным немцам, восстанавливавшим разрушенный напротив нас дом. Чтобы как-то отблагодарить и выразить свою признательность — не все ведь пленные были фашистами и пошли воевать по своей воле, — для нас, детей, они делали простые игрушки из дерева, которым мы всегда радовались, и постоянно нам улыбались.

Я вспоминаю такую картину: яркое-яркое солнце на Большом проспекте, строем идут войска. Наши женщины кого-то выдерживают из строя, целуют и что-то дают в руки. Военные идут в касках, с каплями пота на лицах, изможденные, но довольные и улыбающиеся. Думаю, это был День Победы! Начало новой, мирной жизни.

Через год после этого я пошла в школу. После войны я была настолько тонкая, звонкая и прозрачная, что маме посоветовали подержать меня дома, и поэтому год я набиралась сил для учебы в первом классе. От всех переживаний мама ослепла, но не отчаялась, потому что чувствовала поддержку людей. Все друг другу помогали — кто как мог.

В 1946-м с войны пришел отец, но в каких войсках служил, я не знаю, так как он об этом не рассказывал. Все постепенно возвращалось на круги своя. После длительного лечения, слава богу, к маме зрение вернулось. Для нас это было, честно говоря, чудом.

Очень хочется, чтобы война никогда не повторилась и наши дети и внуки не ощутили на себе все тяготы, перенесенные нашим поколением.

Татьяна Александровна ШАМАНИНА

Воскресенье 22 июня 1941 года было для нас долгожданным. Мы готовились к семейному празднику — дню рождения папы. Мне было четыре года — в этом возрасте мало что помнишь, но тот день я запомнила очень хорошо.

Мы были на даче в Гатчине. В гостиной собрались гости, друзья и близкие моих родителей. За праздничным столом с угощениями взрослые шутили и смеялись. До сих пор помню веселый голос моей мамы. Вдруг к папе подошел кто-то из родственников и сказал, что у калитки его ждет мужчина. Папа покинул нашу компанию, а когда вернулся, был очень взволнован. С тревогой на лице он сообщил, что началась война. В комнате наступило молчание...

Вскоре папа ушел на фронт, а мы с мамой остались в городе и провели в нем все 900 дней блокады, 900 ужасных, изнуряющих, голодных и самых страшных дней моей жизни.

В первую зиму, когда не было электричества и не ходил транспорт, мы жили у мамы на работе, в больнице им. Эрисмана (ныне клиника 1-го Медицинского института).

В декабре 1941 года мне понадобилась медицинская помощь. Я заболела крупозным воспалением легких. Меня положили в больницу на Песочной улице. Я быстро шла на поправку, и к концу месяца маме уже разрешили

меня забрать домой. Но как же я плакала и не хотела уходить отсюда! Мне так хотелось получить новогодний подарок! Все дети знали, что вот-вот должны прийти военные с подарками и ждали их с нетерпением. Было это 30 декабря. За мной пришла мама, а я — в слезы. Мама не стала лишать меня радости, мы дождались военных, и я счастливая пошла домой. У меня был подарок, у меня был праздник!

В то время я ходила в детский сад на Кировском проспекте, д. 3 (ныне Каменноостровский), а моя сестра училась в школе. В канун Нового года в школе для детей устроили ёлку с обедом. Сестра взяла меня с собой, и я с радостью поела, чем очень ее огорчила (видимо, съела больше, чем она думала).

По профессии мама была врачом-психиатром. Её часто вечерами вызывали в городские госпитали, к раненым. Она брала меня собой. Однажды в госпитале меня угостили конфеткой (или шоколадкой — не помню точно), которую я хотела съесть дома. Мы шли по Большому проспекту П.С., в одной руке я держала заветную конфету, другой — держалась за мамину руку. Было темно. Мама освещала дорогу фонариком-жужжалкой. Но этого света было мало, и мы не заметили открытого люка. Я провалилась и выронила конфетку. Плакала ужасно. Мама стала чаще сжимать рычажок фонарика, к нам подошли военные и, узнав, в чем дело, стали искать пропажу с нами. Но найти её так и не удалось.

Есть хотелось всегда. Голод доводил людей до ужасного состояния, граничащего с безумием. Мама рассказывала, как она шла по улице и увидела чуть живого мужчину, прислонившегося к стене, а когда возвращалась, он был уже мертвым, с вырезанными ягодичками.

Сестра стала свидетелем того, как в очереди за хлебом мальчишка-подросток схватил с весов чужой кусочек хлеба и сунул в рот. Толпа накинулась на него, но хлеб вернуть было невозможно. А мальчишка предпочел, чтобы его били, но хлеб был бы его.

Мой дядя по отцу в связи с очень плохим зрением не пошел в армию, а был задействован на рытьё окопов. Однажды он принес тушку «кролика». Но мама поняла, что

это за «кролик» и есть не стала, хотя приготовила из него обед. Мы с сестрой съели.

Мама была прикреплена к какой-то столовой. Мы приходили туда, мама доставала из портфеля миску и ложку, подавала в раздаточное окошко. Там что-то наливали, мы садились за стол, всё съедали и облизывали миску. Мама убирала миску в портфель, и мы уходили. Привычка облизывать посуду сохранялась долго. А я тогда говорила маме: «Когда вырасту, я буду поварешкой (так я в то время называла повара) и буду тебе наливать не одну, а две поварешки (т. е. половника)».

Весной 1942 года весь город вышел на сколку снега. Даже дети, как я, помогали взрослым.

Летом 1942 года каждому проживающему в городе полагалась одна грядка. Наш огород из трех грядок находился возле мечети, там, где сейчас ходят трамваи. Чтобы никто не выкопал урожай, взрослые по очереди дежурили. Что сажали, не помню. Но не забуду, как в антракте, когда мы ходили в театр, мама достала из портфеля разрезанную репу и стала угощать соседей. Те сначала решили, что это печенье, но когда поняли, что репа — засмеялись.

Вслед за голодом в город пришла цинга. Мама где-то нашла еловые ветки, и мы с сестрой отделяли от них иголки. Из иголок мама сделала сок, и мы его пили. Когда маму госпитализировали с дистрофией, мы с сестрой жили одни.

В декабре 1942-го по городу поползли слухи: выживут только крещеные, остальные погибнут. Так как мы с сестрой были некрещеные, мама срочно стала искать для нас крестики. Пока собирались покрестить, прорвали блокаду, и нас с сестрой так и не крестили.

Прорыв блокады — самый главный день для ленинградцев. Я помню, как нас вывели из детского сада на улицу, и мы смотрели, как в небе летает самолет; все кругом радовались. Возможно, это был прорыв блокады.

В 1944 году, после полного освобождения города от блокады, я пошла в школу.

ТЕМА ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЖИТЕЛЕЙ ФИНЛЯНДСКОГО ОКРУГА

Стихотворения, рассказы, рисунки детей

Дарья Кудрявцева, 3 Б, школа № 138

Любовь Холодкова, 3 В, школа № 138

Юра Соколов, 4 В, школа № 138

Миша Лаврентьев, 3 Б, школа № 138

Денис Шаранда, 2 Г, школа №138

Эмиль Каримов, 4 А, школа №138

ВОСПОМИНАНИЯ В БЕЛУЮ НОЧЬ

— Дедушка, а расскажи, как ты воевал, — попросила меня внучка в очередной раз, когда мы гуляли с ней белой ночью.

— Да уж рассказывал, — смущенно ответил я. Мне просто захотелось насладиться тишиной, угасающими над Невой огнями (вот-вот должны были развести мосты). Но я поймал себя на мысли: «А всё ли рассказал о войне?», и, нежно погладив белокурую головку Насти, ответил:

— Посмотрим, как мосты разведут, и я тебе расскажу одну историю, связанную с военным Ленинградом.

Настя, со знанием дела, поправила:

— С Санкт-Петербургом.

— Нет, детка, сослуживцы и я кровь проливали за Ленинград!

Мосты развели. Мы присели на скамейку у Зимнего дворца, и я не спеша начал свой рассказ.

— На 21 июня 1941 года был назначен выпускной. Все мы — нарядные, счастливые, полные надежд на великое будущее все же испытывали грусть при расставании с учителями. Сколько было пролито слез, детских, наивных в ту последнюю мирную ночь. Но и слезы-то были какие-то другие. Светлые, что ли...

Настенька смотрела на меня во все глаза. Сердечка её еще не коснулась жестокость мира взрослых, и она готова была расплакаться. Я потрепал её по бледной щечке.

— А потом — всё как у всех: военкомат, быстротечные курсы... И вот последняя, уже осенняя ночь в любимом городе. Так тяжело было видеть слезы мамы, что я вышел из дома, хоть и холодно уже было. Пошел к Эрмитажу, в частности — к атлантам подошел и долго стоял, не чувствуя ни холода мрамора, ни колючести ветра.

— Ты с ними разговаривал?

— Да. Представь, я был уверен, что они меня слышат и попросил у них сил выдержать всё происходящее.

— Помогли? — удивилась внучка.

— Ты знаешь, лежа в окопах, я, казалось, ощущал мощь мрамора и это придавало мне сил. Но не только это...

— Друзья?

— Безусловно... Но был человек, который каждый день думал обо мне, засыпая и просыпаясь в холодной пустой квартире. Это — мама.

Спазм сдавил мне горло... немного помолчал. И в этот миг почувствовал, как детская ручка утирает мне слезы. О! За это утешение можно всё отдать! За эти слова: «Не плачь, бабушка!», мир можно перевернуть...

— А дальше, дальше...

— Окопы, наступления, отступления, контузии.

— Ну, хоть один случай расскажи, когда тебе особенно страшно было.

— Да там все страшно было: смерть товарищей, смерть родных, смерть повсюду... Шел февраль 1943 года. Дивизия наша стояла на Синявинских высотах. Образовалась небольшая передышка в боевых действиях и, своего рода, премировали меня двухдневным отпуском в город! Радости-то было! Друзья, понятно, наперебой называли адреса, куда сходить, узнать, живы ли родные. И вот иду я по пустому городу и не узнаю его: весь в руинах, изможденные люди идут навстречу. При виде несчастной матери, везущей свое дитя на саночках на кладбище, у меня словно сердце начало кровоточить от жалости.

— Ну, хоть что-то было хорошее?

— Да! Была молодость, ощущение единства с городом-героем и мерно стучащий метроном, будто говорящий смертельно уставшим людям: «Жив город! Не сдайся! Жив город и не сдастся! Жив город, и вы живите, защитники его! Жив город!», и сердце каждого блокадника чеканило в ответ: «Жив!».

— Ну, дальше, — торопила внучка.

— Дошел я до дома и, не чувствуя усталости, взбежал на 3-й этаж. Постучал раз, другой — тишина. Вошел. По темному пустому коридору дошел до нашей комнаты. От бега и волнения сердце просто грохотало и, казалось, нарушало тишину. Мама спала. Я не посмел её будить, просто сел рядом с кроватью на стул и стал любоваться родными чертами. И подбирал ласковые слова, и не верил своему счастью, что я дома, у изголовья человека, тепло которого мне нужно как

никогда, и хотел плакать, и хотел жить! Мама была бледна, синяки под глазами. Дыхания почти не слышно мне было, и лишь пульсирующая жилка на руке, свесившейся с дивана, говорила о том, что главный в мире ЧЕЛОВЕК — жив, ежедневно борется за тебя, страдает, любит и ждет! Подо мной скрипнула половица, и мама тут же открыла глаза, будто и не спала вовсе. «Сенечка!» — прошептала она бескровными губами и повернулась к стене. Я позвал её... Слезы, улыбки, радость от встречи — их не передашь, их надо сердцем почувствовать, их надо пережить.

Потом я и мама вышли на улицу. Я не успевал отдавать честь встречным военным, и мама гордилась мной! Долго я помнил ощущение тепла от её маленькой ладони, как-то доверчиво лежащей в моей руке. «Мама, а куда мы идем?» — и, посмотрев на неё, понял — на могилку младшей дочери, моей сестры. Все слезы уже были выплаканы, и она скорбно стояла у холмика. Но опишу ли печаль моей нежно любимой мамы? Ведь та, что в могиле, — тоже её ребенок; меня, как и её, тоже носила под сердцем, питала силой своей, оберегала, всю себя отдавала... и что? Я отвернулся, чтобы мама не увидела моих слез.

Потом я проводил её до дома, а сам еще немного прошелся по знакомым улицам! Город зиял пустыми оконными проемами. Редкие прохожие не обращали на меня внимания, а я так нуждался хоть в одном искреннем, понимающем взгляде и вдруг... Слышу — откуда-то льется печальная мелодия Чайковского. «Для слуховых галлюцинаций тебе еще рановато», — подтрунивал я над собой и всё же пошел в ту сторону, где услышал музыку. По её увеличивающемуся звуку понял, что совсем близко. Я зашел в полуразрушенную чужую квартиру, увидел на полу разбитый патефон, а рядом с ним на корточках сидела маленькая девочка лет пяти. После недолгих уговоров взял её и отвел...

— К маме! — утвердительно сказала внучка.

— Как ты догадалась?

— Я бы так же поступила.

Я внимательно посмотрел на Настеньку, словно увидел её впервые: да ведь рядом со мной сидела маленькая жен-

щина, а не семиклассница. Слушала меня, затаив дыхание и, казалось, всё понимала, и, казалось, выросла на глазах.

— Так вот, привел я её к нам домой и даже ничего еще не успел сказать маме, как она уже твердо сказала: «Да! Я воспитаю её как Светочку, дочку». Следующий день был последним. Как сейчас помню напутствие мамы: «Не говорю тебе: “Береги себя”, но войю так, чтобы я гордилась тобой! Не говорю тебе: “Не плачь!” — рыдай, да так, чтобы сердце моё тебя почувствовало и отмолило! Не говорю тебе: “Встретимся!”», так как оба понимаем — война — это смерть». Так мы и расстались и, увы, навсегда: мама умерла за неделю до полного снятия блокады! А город жил, боролся, работал, побеждал каждый день...

— Ты говоришь о городе, как о человеке.

— Так оно и есть — «Ленинград мой, милый брат мой — Родина моя!» — напел я тихо. Если бы мы, бойцы и блокадники, не считали город другом, то не выстояли бы.

...Прошло с той памятной ночи двенадцать лет. Настенька преподает в РГПУ им. А.И. Герцена на филологическом факультете. А я жду её редких, немногословных звоночков. Такое уж поколение — всё им некогда, всё спешат и не видят, как прекрасен каждый день по-своему. Поколение!

*Ирина Викторовна Андреева,
секретарь школы № 10 Калининского района*

Обелиск

В маленьком посёлке
распустилась верба,
У реки гоняют
мальчуганы мяч...
По земле шагает
грозный СОРОК ПЕРВЫЙ,
Он откроет скоро свой
смертельный матч...

В маленький посёлок,
где расцвёл подсолнух,
В месяце июне
ворвалась война...
Время разорвала
вмиг на «до» и «после»
Вихрем смертоносным,
окаянная!..

В месяце июле
засвистели пули,
И свинцовым пулям
было все равно,
Сколько они жизней
слепо зачеркнули,
И что на землю льется
кровь, словно вино...

И ушли мальчишки,
а теперь — солдаты
Из родимой хаты
в лес прифронтовой,
Кто-то — в сорок первом,
кто-то — в сорок пятом
Принял самый страшный,
свой последний бой...

В маленьком посёлке,
где расцвел подсолнух,
Над рекой широкой
обелиск стоит,
И березки-сестры,
что у обелиска,
Кланяются низко,
прямо до земли...

Елена МАЛЕЕВА,
автор-исполнитель
песен, житель
Финляндского
округа

Речка катит воды,
   время катит годы,
 Летом на березах
   не смолкает грач,
 У реки широкой
   мальчуганы снова
 С криками гоняют
   свой футбольный мяч...

Завтра был бой...

В доме случайно пластинку поставили,
 Голос знакомый негромко звучит...
 Внучке скажите, чтоб звуку прибавила,
 Сердце особенно как-то стучит!..
 Словно почуяло, словно услышало
 Песню, что помнит тот лес фронтовой...
 Завтра был бой, а потом... так уж вышло,
 Что стала песня скупой слезой...
 Закружится вальс, и лица солдат
 Возникнут из пепла и дыма...
 Утопанный снег, простая еда,
 Последний приказ командира.
 Стонал, как живой, тот лес фронтовой,
 Дрожало от боли небо,
 Но верили вы, что скоро придет
 Святая для всех победа!
 Закружится вальс, тот старенький вальс,
 И память обернется,
 Вы в сорок втором мечтали о том,
 Что будет, когда мир вернется...
 И, бросив сильней горсть ярких огней
 В прожженное болью небо,
 Даруя великое право на жизнь,
 Придет, наконец, победа!
 Даруя священное право на жизнь,
 Придет, наконец, победа!

(декабрь, 2002 г.)

Дети блокады

Мы не участники войны,
 Мы только дети той поры,
 Рожденные мы до войны,
 Нас под обстрелом сберегли!
 Вот столько лет уже прошло!
 Воды так много утекло,
 Но память детская жива,
 Как изболевшая беда!
 Мы были малыми детьми,
 Взрослели рано в дни войны,
 Делились всем и чем могли,
 Величие духа сберегли!
 И молодым нас не понять,
 О чём могли тогда мечтать,
 Спокойно жить, всё побеждать,
 Да, старость!!! — просто уважать!
 И больно видеть нам теперь,
 Как молодым открыта дверь,
 Как молодежь порой сидит,
 А старый и больной порой стоит.
 Где хамство с наглостью в почете,
 Что вы людей не узнаете!
 Но верим мы, как и тогда,
 Наступят лучшие года,
 Что улыбаться будут люди,
 Войны и горести не будет,
 Что уваженье и почет нам поколение принесет!!
 Ленинград в кольце блокады.
 Сражался город дорогой,
     Под вой сирен, под свист снарядов,
     И голод сильною волной
     Бил жителей родного Ленинграда!
     Так продолжалось 900 дней.

Трудились взрослые и дети,
 И вот настал счастливый день,
 Как снова солнце засияло в свете!
 Блокада прорвана, снята!
 Войска соединились вместе,
 Два фронта прогнали врага,
 А Ленинград стоит на месте!
 И памяти погибших мы верны
 Мы отдаем им дань воспоминанья,
 Не повторилось это никогда!
 Мы молодым передаем, как заклинанье!
 И хорошеет город наш,
 Родной. Любимый, Петров Град.
 И дети, внуки берегут
 И никогда, и ни кому не отдадут!

Антонова Валентина Ивановна

Выстоял, не сдался, перенес
 Голод, артобстрелы и бомбежки
 И победу бережно принес.
 Как в ладошках стывших хлеба крошки.
 Город-воин, труженик, герой,
 Над Невой плывущий величаво...
 Тем, кто связан был одной судьбой —
 Наш поклон, признательность и слава!

*Александр
 Николаевич
 Афанасьев,
 депутат
 Муниципального
 совета*

ИЗВЕСТНЫЕ ПЕСНИ ВОЕННЫХ ЛЕТ

ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПЕСЕН ВОЕННЫХ ЛЕТ

Первой песней, написанной в годы Великой Отечественной войны, была **«Священная война»**. Эта патриотическая композиция стала настоящим гимном советского народа. Уже 24 июня 1941 года в газетах «Красная звезда» и «Известия» было опубликовано стихотворение Василия Лебедева-Кумача «Священная война». Перед роковым сообщением о нападении Германии на СССР поэт просматривал кинохроники бомбардировок европейских городов, и, потрясенный увиденным, он написал стих. Прочитав в газете проникновенные строки, композитор Александр Васильевич Александров сочинил к ним музыку. И уже на пятый день войны перед отправляющимися на фронт солдатами, на площади Белорусского вокзала состоялась премьера «Священной войны» в исполнении Ансамбля песни и пляски Красной армии под руководством Александрова. Отсюда за считанные дни зовущая к подвигам песня распространилась по всему Союзу.

«Священная война»

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!*

*Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.*

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!*

*Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать,
Поля её просторные
Не смеет враг топтать!*

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!*

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!*

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!*

Одна из самых лирических песен военных лет «**В землянке**» «родилась» совершенно случайно. Текстом песни стало написанное в ноябре 1941 года стихотворение поэта и журналиста Алексея Суркова, которое он посвятил жене Софье Антоновне и написал в письме. В феврале 1942 года теплые и глубоко личные строки Суркова настолько вдохновили композитора Константина Листова, что тот написал для них музыку. Он же стал первым исполнителем этой песни. 25 марта 1942 года песня «В землянке» была опубликована в «Комсомольской правде». К тому времени ее любили и пели и бойцы, и те, кто их ждал.

«В землянке»

*Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.*

*Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.*

*Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти — четыре шага.*

*Пой, гармоника, вьюге назло,
Зaplутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.*

Интересные сведения о песне «Катюша»

Именем песни народ окрестил новое оружие, наводившее ужас на врага — ракетные минометы БМ.

В селе Выходы Угранского района (недалеко от деревни Глотовка — родины М. Исаковского) в Доме культуры расположен музей песни «Катюша».

Есть мнение, что музыка песни написана не Блантером, так как похожая мелодия звучит у Стравинского в опере «Мавра» (1922 г.), позже адаптированной в «Русский Шансон» (1937 г.).

На премьере 27 ноября песня была спета «на бис» три раза подряд.

В Италии эта песня называется «Катарина», в Израиле — «Катюшка».

Исаковским был написан и другой последний куплет, исполнявшийся редко:

*Отцветали яблони и груши,
Уплыли туманы над рекой.
Уходила с берега Катюша,
Уносила песенку домой.*

В 1943—1945 гг. наиболее популярен был такой куплет:

*Пусть фриц помнит русскую «катюшу»,
Пусть услышит, как она поет:
Из врагов вытряхивает души,
А своим отвагу придает!*

Популярность как БМ, так и песни была велика. «Катюша» сейчас кажется военной песней. Хотя, если вникать в смысл, то это совсем не военная песня, а, скорее, лирическая.

«Катюша»

*Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.*

*Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.*

*Ой, ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальний пограничный
От Катюши передай привет.*

*Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.*

*Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой.*

Поистине необычна история и другой замечательной военной песни «**Синий платочек**». В 1940 году в московском саду «Эрмитаж» выступал польский оркестр «Голубой джаз» под управлением Генриха Гольда. Тогда композитор Ежи Петербургский исполнил свою новую мелодию. После концерта к Петербургскому подошел поэт и драматург Яков Галицкий, который выразил свое восхищение творчеством оркестра и предложил написать слова к той новой красивой мелодии. Польскому композитору мысль поэта понравилась, и вскоре появилось стихотворение «Синий платочек». Впервые песню «Синий платочек» исполнил солист «Голубого джаза» Станислав Ландау, после чего она стала постоянной в репертуаре оркестра. Любопытно, что в Польше к тому времени уже была песня на мелодию Ежи Петербургского. «Синий платочек» пели Изабелла Юрьева и Вадим Козин, но до войны эта песня не получила широкой известности. Наступила

война, и в тексте песни произошли некоторые изменения. В Киеве, например, на стихи неизвестного автора, стали петь:

*Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.*

*Война началась на рассвете,
Чтоб больше народу убить.
Спали родители, спали их дети,
Когда стали Киев бомбить.*

Привычный же «Синий платочек» появился в 1942 году, когда песню исполнила Клавдия Шульженко. Дело в том, что Клавдия Ивановна обратилась к сотруднику газеты «В решающий бой!» Михаилу Максимову с просьбой изменить слова песни на более патриотичные. Тогда-то поэт и вставил в текст песни знаменитые слова о пулеметчике. Однако Политуправление Рабоче-крестьянской Красной армии посчитало песню «чрезмерно лирической» и выразило свое недовольство по этому поводу. Клавдия Шульженко перестала петь эту песню, но полюбившийся миллионам советских граждан «Синий платочек» уже навсегда остался в числе лучших военных песен.

«Синий платочек»

*Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила,
Что не забудешь
Ласковых, радостных встреч.*

*Порой ночной
Мы распрощались с тобой...
Нет больше ночек!
Где ты, платочек,
Милый, желанный, родной?*

*Письма твои получая,
Слышу я голос родной.
И между строчек
Синий платочек
Снова встает предо мной.*

*И мне не раз
Снились в предутренний час
Кудри в платочке,
Синие ночки,
Искорки девичьих глаз.*

*Помню, как в памятный вечер
Падал платочек твой с плеч,
Как провожала
И обещала
Синий платочек сберечь.*

*И пусть со мной
Нет сегодня любимой, родной,
Знаю, с любовью
Ты к изголовью
Прячешь платок голубой.*

*Сколько заветных платочков
Носим мы в сердце с собой!
Радости встречи,
Девичьи плечи
Помним в страде боевой.*

*За них, родных,
Любимых, желанных таких,
Строчит пулеметчик,
За синий платочек,
Что был на плечах дорогих!*

История создания всенародно любимой песни **«Темная ночь»** очень интересна. В 1943 году, во время работы над знаменитым кинофильмом «Два бойца» у режиссера Леонида Лукова не получилось снять эпизод написания солдатом письма. Расстроенному из-за множества безуспешных попыток режиссеру неожиданно пришла мысль, что украшением сцены могла бы стать песня, передающая чувства бойца в момент написания письма родным. Не теряя ни минуты, Леонид Луков поспешил к композитору Никите Богословскому. Поддержав

идею Лукова, Никита Владимирович уже через 40 минут предложил другу мелодию. После этого оба приехали к поэту Владимиру Агатову, который, в свою очередь, за пару-тройку часов написал легендарное стихотворение. Так, на музыку Никиты Богословского и слова Владимира Агатова, благодаря идее Леонида Лукова была создана любимая и поныне песня «Темная ночь».

Первая матрица пластинки пострадала от... слез работницы завода, которая не смогла сдержать чувств при прослушивании песни в исполнении Ивана Козловского. Так что в свет «Темная ночь» вышла только со второй матрицы.

«Темная ночь»

*Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают...
В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кроватки тайком ты слезу утираешь.*

*Как я люблю глубину твоих ласковых глаз,
Как я хочу к ним прижаться сейчас губами...
Темная ночь разделяет, любимая, нас,
И тревожная черная степь пролегла между нами.*

*Верю в тебя, дорогую подругу мою,
Эта вера от пули меня темной ночью хранила.
Радостно мне, я спокоен в смертельном бою,
Знаю, встретишь с любовью меня, что б со мной ни случилось.*

*Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в степи,
Вот и теперь надо мною она кружится...
Ты меня ждешь и у детской кроватки не спишь,
И поэтому, знаю, со мной ничего не случится!*

«ДНЮ ПОБЕДЫ» – 40 ЛЕТ!

Большинство из нас даже не знает, кто автор песни, которая стала не просто знаменитой, а символом победы в Великой Отечественной войне. А ведь поет ее в майские дни со слезами на глазах, вспоминая, ценой каких невыносимых усилий досталась нашему народу победа, вся страна.

Можно сказать, вместе с этой песней в нашей жизни появилось словосочетание «День Победы», до 1975 года дату окончания войны 1941–1945 гг. обычно называли «праздником 9 Мая». Вот она.

«День Победы»

*День Победы, как он был от нас далёк,
Как в костре потухшем таял уголёк...
Были вёрсты, обгорелые в пыли, —
Этот день мы приближали, как могли.*

*Этот День Победы - порохом пропах.
Это праздник — с сединою на висках.
Это радость — со слезами на глазах, —
День Победы! День Победы!*

*Дни и ночи у мартиновских печей
Не смыкала наша Родина очей...
Дни и ночи битву трудную вели —
Этот день мы приближали, как могли.*

*Здравствуй, мама, возвратились мы не все...
Босиком бы пробежаться по росе!..
Пол-Европы прошагали, полземли, —
Этот день мы приближали, как могли.*

*Этот День Победы — порохом пропах.
Это праздник — с сединою на висках.
Это радость — со слезами на глазах, —
День Победы! День Победы!*

Автор песни Владимир Харитонов был призван на службу в армию в 1940 году, участвовал в войне с первого ее дня. Воевал в пехоте, конном взводе и водолазных частях. Был ранен. Пережил всё, что могло выпасть на долю солдата. И, видимо, поэтому так, как он, о победе не сказал никто.

В 1975-м, в год 30-летия Победы, Гостелерадио объявило конкурс на лучшую песню о Великой Отечественной

войне. Было прислано около 900 произведений. Но песню Харитоновна рассматривали вне конкурса.

Однажды поэту позвонила супруга композитора Давида Тухманова Татьяна и спросила, над чем он работает. Владимир Гаврилович ответил, что написал стихи о войне. Татьяна записала их и уже на следующий день пригласила послушать музыку к ним. С первых нот стало ясно: будет хит.

Подать заявку на конкурс уже не успевали. Тогда председатель конкурса Тихон Хренников попросил, чтобы комиссия послушала «День Победы», так сказать, вне конкурса. Послушали. Было молчание и замешательство. Потом композиторы, уважаемые и известные, стали говорить, что слова прекрасные, но музыка им не соответствует. Это, мол, какой-то легкомысленный фокстрот. И зарубили. Значит, на радио или телевидение можно уже не ходить — песня не пройдет. И единственный, кто решился выпустить ее в свет, был Владимир Рыжиков, редактор на фирме «Мелодия». Вышла гибкая пластинка огромным тиражом. «День Победы» очень хорошо спела жена Давида Тухманова. Но чувствовалось: нужен мужской голос.

Записали эту песню с прекрасным певцом Леонидом Сметанниковым, но его оперная манера пения не подходила. Она не передавала ту энергетику, которой нужно заводить зал. И пришли к общему мнению: то, что нужно, может получиться у Льва Лещенко. И не ошиблись.

На следующий год, в 1976-м, перед самым Днем Победы, вышла большая статья в «Правде». Называлась она «Слушай песню» и была посвящена «Дню Победы», а написал ее зам. заведующего международным отделом ЦК КПСС Вадим Загладин. А поскольку слово «партия» было приказом для всех, кто руководил и Союзом писателей, и композиторов, — то все сразу стало на свои места, и песня зазвучала широко.

Эта песня очень нравилась Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу, с которым был знаком Владимир Харитонов. Однажды на приеме в Кремле 9 мая Л.И. Брежнев сказал поэту: «Нас не будет, Володя, а народ будет петь твою песню».

ИСТОЧНИКИ:

<http://www.9maya.ru/>

<http://www.stihi.ru>, из статьи Василия Панина «День Победы» поэта Владимира Харитонова.

Рубрика: Культура. Владимир Харитонов.

Выпуск 5/2005 diplomatus.com/;

www.kp.by/daily/24512.4/662268/,

Анна БАЛУЕВА (24 июня 2010)

Содержание

Поколение победителей.....	5
Василий Петрович АКИМОВ.....	19
Борис Валентинович АРЕФЬЕВ.....	24
Ольга Александровна АРЕФЬЕВА.....	31
Галина Павловна БОЧКАРЕВА.....	36
Михаил Васильевич ВАСИН.....	39
Римма Васильевна ВЕСЕЛОВА.....	47
Людмила Павловна ВОЕВОДСКАЯ.....	54
Давид Ефимович ГОЛЬДМАН.....	59
Елена Алексеевна ШЕРШОВА о своей матери Анне Васильевне ДАШКЕВИЧ.....	63
Альберт Федорович ИЗМАЙЛОВ.....	67
Анатолий Станиславович КРУКОВСКИЙ.....	74
Алла Алексеевна ЛОЖКИНА.....	83
Эльвина Александровна МАРТЫНОВА.....	88
Владимир Михайлович МУХМЕДИАРОВ.....	93
Ольга Ивановна НЕМЦЕВА.....	98
Вера Николаевна ОВЧИННИКОВА.....	103
Галина Павловна ПЕТРОВА.....	106
Анатолий Соломонович РАХЛИН.....	109
Людмила Ивановна СМЕТАНИНА.....	116
Раилия Александровна ТУРУШКИНА.....	120
Галина Ивановна ФЕДОРОВА.....	123
Татьяна Александровна ШАМАНИНА.....	126
Война в творчестве жителей Финляндского округа.....	129
Известные песни военных лет.....	142

*Внутригородское муниципальное образование Санкт-Петербурга
муниципальный округ Финляндский округ*

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

Часть 6. Эхо военных дней

При оформлении книги использовались материалы:
из личных архивов участников Великой Отечественной войны,
жителей блокадного Ленинграда, труженников тыла
и узников фашистских концлагерей

Чуйков В.И., Рябов В.С. Великая Отечественная. Фотоальбом.
Москва: Планета, 1985.

Никитин В. Неизвестная блокада.
Ленинград 1941—1944: Фотоальбом

<http://waralbum.ru>

ООО «Медпресса»

Дизайн обложки — Л.Л. Грабарь

Верстка — И.Н. Быков

Корректор — М.Л. Водолазова

Бумага мелованная.

Формат 70×100 ¹/₁₆, Тираж 1000 экз. Подписано в печать 10.04.2015.

Заказчик: Местная администрация муниципального образования
Финляндский округ.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИПК «Береста».
Санкт-Петербург, ул, Коли Томчака, д. 28.

